

ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ, ПАРТВЫДВИЖЕНЦЫ И ПОМИДОРЩИКИ: ДВЕСТИ ЛЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ АДЫГЕЙСКИХ ЭЛИТ

Г.М. Дерлугьян

Нью-Йоркский университет в Абу-Даби

Аннотация: *В статье на основе широкого спектра исторических материалов и результатов социологических наблюдений анализируется властно-управленческий дизайн Адыгеи. Автор считает, что пока же в Адыгее и в близлежащих центрах (Краснодар, курорты черноморского побережья) формируется новая антиэлита — адыгейские гангстеры и рэкетеры, действующие на уже поделенном нелегальном пространстве патриархально сплоченно и очень жестоко.*

Ключевые слова: *Адыгея, теневая экономика, трайбализм, миросистема, nepoтизм, антиэлита, провинциализм.*

Судьба кавказоведения отмечена печатью невезения, главным источником которого приходится признать особенности исторического развития Российской/Советской мироимперии¹. Мироимперии — поскольку и Российская империя, и Советский Союз были и пока остаются евразийской территорией, объединяющей в пределах единой государственной системы ярко выраженного имперского типа ряд особых этнокультурных зон и сильно разнящихся между собой стран и народов.

Кавказ был присоединен и интегрирован в Российскую мироимперию в XIX в., т. е. в то время, когда только формировались современные общественные науки. Как известно, исторически возникло две группы общественных наук — те, объектом которых выступали функционально самостоятельные сферы развитого буржуазного общества (экономика, социология, политология, искусствоведение и т. д.), и те, которые занимались неевропейской экзотикой в едином нерасчленном комплексе (востоковедение и африканистика, во многом и этнография).

¹ Данный текст был написан в разгар перестройки, преимущественно в Краснодаре в 1989 г. Целью было разобраться в происходящем, когда этнические конфликты только начинались, а о Чечено-Ингушской АССР в тексте ни слова, поскольку место это казалось куда более тихим и застойным, чем Адыгея. Поскольку текст несет явный отпечаток своего времени и никогда не публиковался, в нем все оставлено точно так, как в оригинале.

Закавказье с его древними письменными культурами отчасти попадало в поле классического востоковедения. Северный же Кавказ с его удивительным этнолингвистическим разнообразием и догосударственными общественными институтами, казалось, был как нельзя более близок к идеалу этнографического объекта. Собственно, таковым он и стал, но этнография, лингвистика и фольклористика Северного Кавказа как части Российской империи развивалась в рамках более широкой и аморфной дисциплины, известной в России как краеведение.

Краеведение развивалось в конце XIX – начале XX в. преимущественно в странах Восточной Европы, особенно же в России, как своего рода аналог востоковедения и африканистики, но обращенный не на зарубежную экзотику, а на собственную «народную» жизнь, своеобразие и уникальность которой вестернизированная интеллигенция этих государств ощущала совершенно отчетливо и болезненно переживала. Краеведение стало фактором российского культурного процесса, и именно поэтому российское краеведение (и кавказоведение как его раздел) не могло стать органичной частью европейской науки. Российские и местные кавказские исследователи, собравшие огромное количество уникальных материалов, за редчайшим исключением не были в состоянии осмыслить и формализовать их как факт общественных наук своего времени. Со своей стороны, западноевропейские ученые обычно понятия не имели о русскоязычной кавказоведческой литературе. Кавказоведение пребывало в положении науки местного значения.

Один краснодарский краевед заметил ещё в 1927 г., что если бы Морган и Спенсер в свое время знали об общественном устройстве не только ирокезов и папуасов, но и кавказских горцев, то развитие этнографии могло бы пойти по несколько иному пути. В этом утверждении гораздо больше здравого смысла, чем внешней провинциальной гордости. Кавказ (как и Балканы) на современном уровне развития социальной теории может дать единственный в своем роде конкретный материал, который заставит пересмотреть или дополнить современные схемы истории человечества. Пожалуй, можно даже предсказать в ближайшие десятилетия возникновение научной моды на Кавказ, какой в 60–70-е годы пользовалась Тропическая Африка и Юго-Восточная Азия.

Предлагаемая статья первоначально была задумана как критический обзор русскоязычной литературы по Черкессии/Адыгее (Северо-Западному району Кавказа, расположенному между р. Кубань и черноморским побережьем). Однако в ходе работы стало ясно, что по отношению к советскому периоду вести разбор идей и научных концепций едва ли вообще возможно. Кавказоведение после непродолжительного трагически оборвавшегося возрождения в 1920-х гг., стагнировало на протяжении всего советского периода. Несмотря на значительное расширение образовательной и научной инфраструктуры в 50–60-х гг., сопровождавшееся количественным ростом кадров местных кавказоведов, о восстановлении научного уровня XIX в. (поддерживавшегося непрофессионалами — офицерами, путешественниками, историками-любителями!) остается лишь мечтать. Этот уровень стал кавказоведческой классикой, довлеющей над сознанием той части современных ученых, которые озабочены поддержанием академических критериев, и потому они добровольно ограничивают себя рамками проблематики и даже подходов кавказоведов прошлого века. Характерно, что и на Западе самый известный из кавказоведов — Жорж Дюмезиль — работал, не покидая тех же священных пределов (фольклористика, описательная лингвистика и этнография).

Достоверное научное знание о современной истории Кавказа отсутствует практически полностью. Занятие современными сюжетами для советских историков было, как правило, делом карьеры, а никак не науки. Почти 100 % работ по советской Адыгее есть апологетика, обычно очень неумная. Приводимые данные недостоверны, их контекст безбожно искажен. Эмигрантская и западная историография, на которую сейчас в Советском Союзе в целом возлагается много нереалистических ожиданий, во-первых, в данном случае незначительна, во-

вторых, создавалась в качестве идеологического противовеса догме, оттого неизбежно страдает догматизмом и мифотворчеством.

Провинциализм, незнание иностранных языков, отсутствие интереса к положению в смежных областях характерны, к сожалению, для большинства советских кавказоведов. Это не позволяет им делать порой совершенно очевидные выводы из собственных же материалов. Кроме того, советская догматика предшествующего периода породила в молодом поколении северокавказских историков патриотический пафос, толкающий их на создание новых догм. В настоящее время, в условиях всеобщего перестроечного мифотворчества, в среде северокавказских историков раскручивается драматическая полемика по вненаучным вопросам, сама формулировка которых исключает корректную аналитическую разработку. Спор идет вокруг выставления оценок прошлому по шкалам типа «реакционный — прогрессивный» (принятие ислама, экспансия России) или «национальный герой — враг народа, иностранный агент» (Шамиль, его эмиссары, иные действующие лица Кавказской войны).

Настоящая статья представляет набросок основных исторических этапов развития современного адыгейского этноса за последние двести лет. Чтобы несколько сузить рамки работы, при этом не упуская из фокуса наиболее существенные тенденции, я ограничился «элитным подходом», т. е. рассмотрением особенностей каждого периода сквозь призму трансформации господствующих элит.

Задача облегчается тем, что каждому крупному этапу будет соответствовать свой элитный персонаж — во-первых, конечно же, горский князь (в русском традиционном расширительном толковании) для традиционной эпохи, т. е. до русского завоевания и включения Черкессии в капиталистическую миросистему через российское посредничество. В измененном качестве, став российским инородческим дворянином, землевладельцем и чиновником, этот персонаж сохраняется до прихода большевиков, хотя изнутри черкесского общества его еще в традиционный период начинает выталкивать фигура крестьянского выборного старейшины. В 20-е годы возникает новый персонаж, местный вариант советского аппаратчика и номенклатурного работника — нацкадр, выдвигенец «коренной» национальности. Эту фигуру, сохраняющуюся по сегодняшний день в нескольких субэлитных лицах (партработник, хозяйственник, номенклатурный интеллигент), с середины 60-х годов начинает теснить, одновременно симбиотически и органически дополняя, делец теневой экономики, условно обозначаемый по основному для современной Адыгеи виду подпольной предпринимательской деятельности местным жаргонизмом «помидорщик».

Этнонимы адыги и черкесы используются в тексте как взаимозаменяемые — первый из них есть внутренний этноним, второй — традиционный внешний, совершенно произвольно присвоенный советскими властями небольшой группе адыгов и нетождественных им абазин, оказавшихся в Ставропольском крае. Горцы для Кубани есть понятие, практически равнозначное черкесам или адыгам. Адыгейцы — современное официальное наименование автохтонного населения Адыгейской АО в составе Краснодарского края.

* * *

Традиционная материальная культура адыгов, детально описанная в русских источниках конца XVIII — начала XIX в., демонстрирует удивительную степень преемственности и консерватизма. Основные элементы ее могут быть прослежены по археологическим находкам на протяжении минимум двух тысячелетий. Прямое генетическое родство современных адыгов с касогами раннего средневековья и зихами поздней античности сомнений не вызывает. Существуют определенные возражения против причисления меотов к предкам адыгов, которое доводит древность протоадыгского этноса до VI–VII вв. до н. э., однако возражения эти диктуются теорико-догматическими соображениями, о чем речь пойдет ниже.

Адыги являются земледельцами и скотоводами предгорий и долин Северного Кавказа. Традиционные агротехнические и ремесленные навыки адыгов нередко считаются прими-

тивными и слабо подвержены инновациям, однако трудности заселения гор Адыгеи русскими переселенцами во второй половине XIX в., а также заимствование многих элементов материальной культуры горцев кубанскими и терскими казаками показывают, насколько эта культура была приспособлена к специфической среде обитания.

Не менее консервативен на протяжении тысячелетий был и характер связей горских народов Северо-Западного Кавказа с внешним миром. Горы служили относительно надежным барьером за пути проникновения кочевников из прикубанских степей. Столкновения с каждой новой волной степняков, от киммерийцев и скифов до татар и калмыков, приводили, как правило, к заключению союза и установлению в той или иной форме обмена продуктов горского земледелия и ремесла на продукты кочевого скотоводства. Эпизодически некоторые адыгские племена выходили в степи, когда там образовывался вакуум после ухода очередного кочевого народа, но приход новых кочевых орд вынуждал их всякий раз вернуться под защиту гор.

После того, как в VI в. до н. э. ионийские греки основали первые фактории на черноморском побережье Кавказа, адыгские горы прочно и надолго превращаются в дальнюю периферию классовых обществ Восточного Средиземноморья. Со времен меотов и вплоть до установления русской военно-морской блокады побережья в 1830-х гг. отсюда в обмен на предметы роскоши и сложные ремесленные изделия практически непрерывно в течение двух с половиной тысяч лет вывозились рабы, продукты охоты и собирательства, иногда также лошади и зерно.

Ни в один из периодов своей истории адыги и их предки не имели собственной государственности. Эпизодически возникавшие союзы племен были неустойчивы и легко распались на свои изначальные элементы — племена. Племена же, напротив, обладали относительно высокой устойчивостью и самостоятельностью, выступая одновременно расширенной общиной, подразделявшейся на патронимические группы, территориальной единицей и коллективным субъектом власти. Подобно другим горским народам Северного Кавказа, адыгские племена имели четкую внутреннюю стратификацию, зафиксированную в нормах обычного права (адатах). Крупнейшим и важнейшим отличием в адатных нормах выступало деление на так называемые «княжеские» («аристократические») и «демократические» племена, управлявшиеся народным собранием, или, по принятой в русских источниках прошлого века терминологии, «вольные горские общества».

Для советских кавказоведов, в подавляющем большинстве своем придерживающихся вульгарно-марксистской пятичленной формационной схемы, данное обстоятельство представляет собой крупное теоретическое затруднение. Догматическая схема требует непрямого отнесения всякого общества к одной из пяти формаций. Классификационными критериями служат тип господствующих классовых отношений и наличие государственности как важнейшего признака перехода от первобытности к классовому обществу.

Упрощенным представлениям о «первобытной» доклассовости, несомненно, противоречат относительно развитая материальная культура черкесов и, главное, явное наличие социального неравенства и отношений эксплуатации, фиксируемых адатным правом преимущественно в четкой сословной иерархии. (Термин «сословие» использовать с оговорками, поскольку речь идет об обществе, кардинально отличающемся от евразийского феодализма. Вероятно, правильнее было бы говорить о кастовых группах, возникающих из разложения архаичной системы возрастных классов [Панеш 1989]).

Основным сословием традиционного черкесского общества были свободные общинники-тфокотли, пользовавшиеся правом ношения оружия, участия в народном собрании и свободной обработки земли в пределах территории общины и племени. К тфокотлям принадлежало не менее двух третей населения. Тфокотлей часто сравнивают с английскими йоменами, но это сравнение не совсем корректно, т. к. вызывает феодальные ассоциации. Вернее было бы сравнивать их с римскими плебеями. Тфокотли могли владеть рабами (в районе

Анапы при турецком владычестве возникли даже рабовладельческие товарные латифундии, принадлежавшие зажиточным тфокотлям натухайцев, одного из демократических племен [Покровский 1989: 52]).

Основную касту зависимого населения составляли пшитли, обычно приравняемые к крепостным. Пшитли владели собственным хозяйством, могли иметь семью, составляя патриархальную клиентелу своего владельца, от которого (а не от общины) получали землю. В гораздо менее обременительной зависимости от владельца находились оги, выплачивавшие лишь продуктовую ренту, но при этом не входившие в общину в качестве полноправных членов. Оги происходили, по всей видимости, от постепенно освобождавшихся пшитлей.

Особую категорию составляли азаты, вольноотпущенники, чье появление было, скорее всего, связано с исламизацией Черкессии. Азаты интересны тем, что из рабов путем отпуска на волю чаще всего по религиозным мотивам (умирающий хозяин просил отпускаемого азата молиться за его душу) эти зависимые люди могли перейти в особую элитарную группу — священнослужителей-эфенди. (Употребление тюркоязычных терминов «азат» и «эфенди» само по себе показывает нетрадиционность этих сословий).

Действительно рабами были унауты, которых русские авторы XIX в. называют «безадатным сословием» — положение этих, как правило, бывших военнопленных адатов вообще не оговаривалось. Унауты полностью находились в воле своего хозяина, «поскольку не имели каких-либо родственных уз» [Джимов 1986: 39].

Как это часто бывает у различных народов, находящихся на догосударственной стадии, но имеющих четко выраженную элиту, противостоящую общине, низшие эшелоны властвующей группы легче пополнялись невольниками правителя (князя), чем свободными общинниками. У ряда черкесских племен даже существовал особый четвертый разряд военной аристократии — пшикли, буквально, «ограда князя», стражники из бывших невольников, выполнявшие полицейские функции.

Верховное привилегированное сословие составляли собственно князья («пши»). Это самое малочисленное сословие (в середине XIX в. в Закубанье жил 61 князь) подразделялось внутри себя на подгруппы по родовитости и влиянию. Сословие пши в XIX в. наличествовало только у «аристократических» племен — темиргоевцев, егерухаевцев, бжедуггов, бесленеевцев, махосевцев, хатукаевцев, мамхеговцев. Согласно описанию известного кавказоведа XIX в. Ф.И. Леонтовича, специалиста по горским адатам, адыгские князья «имеют исключительное право перед дворянами, пользуются лучшими местами для пастбищ своего скота на всем пространстве земли, на которой жительствоуют покровительствуемые ими аулы одного с ними племени, а близ того аула, в котором живут сами, даже пользуются правом ограничить для себя собственно удобнейшую землю под хлебопашество и сенокос, которую жители его аула, также и других, не могут обрабатывать в свою пользу иначе как с дозволения их» [Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса. 1882; цит. по: Джимов 1986: 32].

Как видно из приведенного отрывка, адыгские князья находились в своего рода договорных отношениях с собственным племенем. Пши могли занимать свое привилегированное положение именно в силу своей принадлежности к общине, хотя и на особых условиях. В традиционных прерогативах пши проглядывает глубокая архаика. Фигура князя была сакрализуема, большинство его привилегий обуславливалось классическими вождескими механизмами ритуальной взаимности (реципрокности). Например, у бжедугских тфокотлей было принято ежегодно подносить князю по ягненку от каждой семьи за то, что он пускал пал на общинных пастбищах [Покровский 1989: 43].

Косвенно традиционный, архаический характер власти пши подтверждается положением другой аристократической группы — «хануко», или султанов. Эта немногочисленная специфическая группа формировалась за счет членов правившей в Крымском ханстве разветвленной династии Гиреев, которые бежали на Кавказ в результате династических распрей и интриг. Адыги, состоявшие в непрочном вассальном союзе с Крымом, неизменно принимали

с почетом очередных беглецов. Те селились и постепенно ассимилировались среди горцев, но никогда не приобретали реальной власти, оставаясь благородными нахлебниками. Причина проста — отсутствие у хануко племенной идентификации, их непринадлежность к горской общине.

Еще более экзотичную элитную группу составили армяне, поселившиеся в Адыгее предположительно в XVII в. Это были беженцы из Крыма или Трапезунта, по преданию, прибывшие в Закубанье компактной группой, в которой преобладали вооруженные мужчины. Армяне женились на девушках из благородных адыгейских семейств и вскоре утратили армянский язык и культуру, сохранив при этом и ревностно поддерживая христианство. В XVIII в. потомки этих армян образовали особую общину черкезо-гаев, т. е. «адыго-армян», приравненную рядом адыгейских племен к высшему дворянству (по крайней мере, штрафы за нанесение ущерба или убийство черкезо-гаев были столь же высоки, как и за аналогичное преступление против адыгского аристократа [Щербина 1916]).

Черкезо-гаи монополизировали торговлю внутренних районов Адыгеи с черноморским побережьем и, видимо, сумели значительно ее расширить, что принесло выгоды и адыгской аристократии. Кроме того, черкезо-гаи в какой-то период времени превратились в признанных носителей и учителей традиционной горской аристократической культуры и ритуала, поэтому считалось престижным вступать с ними в отношения аталычества, т. е. отдавать им на воспитание мальчиков и даже девочек из благородных семейств, которых возвращали родителям по достижении совершеннолетия. Воспитатель-аталык становился вторым отцом юного аристократа. Попытки турок в конце XVIII в. ликвидировать общину черкезо-гаев и казнить некоторых армянских старейшин едва не вызвали восстание черкесских князей, которые в случае осуществления угроз османских наместников попросту вынуждены были бы принять на себя долг кровной мести. Только в XIX в., в ситуации священной войны против русских, черкезо-гаям пришлось покинуть Адыгею, поселившись на контролируемой русскими стороне Кубани, где был основан город Армавир, или «Джаур-хъабль» («христианский аул»), причем черкезо-гаи сохранили своих черкесских крепостных и ряд традиционных горских привилегий.

Адыгское дворянство («орки») присутствовало у всех племен без исключения и подразделялось на ряд сословий с очень запутанной иерархией. Орков по-русски точнее было бы именовать дружинниками и витязями (в том значении, в котором витязи-викинги и дружинники присутствовали в ранней Киевской Руси). Возможно также говорить и о патрицианской (в раннеримском смысле) природе черкесских орков. Главной отличительной чертой оркских сословий представляется двойственность их отношений с традиционной общиной и ее основным сословием — крестьянами-тфокотлями. Орки, отчасти принадлежат своему племени, в то же время были либо «людьми князя» («пшиорк»), либо замкнутой патрицианской группой у «демократических» племен, где отсутствовали князья. В последнем случае орки неизменно находились в конфликте с нетитулованной верхушкой плебеев-тфокотлей.

Главное дело жизни всякого орка — война или подготовка к войне. Жесткий — порой до нелепого ригоризма — кодекс адыгской чести («адыге хабзэ») — это, прежде всего, мужской воинский этический комплекс, противопоставляемый крестьянской трудовой этике [Панеш 1988].

В отличие от князей, хозяйство, а следовательно, и база эксплуатации большинства орков были очень ограничены и слабы. Подлинные князья — пши (в отличие от гораздо более многочисленных заносчивых и воинственных орков, с которыми, собственно, и связаны массовые представления русских о горских князьях) пользовались правами на сбор и дальнейшее перераспределение традиционной ритуальной дани. Об архаичности традиционных форм дани говорит, в частности, тот факт, что с урожая кукурузы (американское растение, заменившего древнее просо) дань вообще не взималась. Основными источниками существования орков служили княжеские пожалования — «орк-тын», типичный воинский пожизнен-

ный (но не наследственный!) пребенд или бенефиций, а также регулярные подарки и награды. Важнейшим дополнительным источником существования для орков была военная добыча и продажа в рабство пленников.

В основной своей массе орки противостояли плебейской части населения даже в физическом облике. Многие путешественники по Кавказу отмечали, что черкесский «дворянин» выделяется стройностью, узким лицом с правильными чертами и т. д., не говоря уже о таких воспитываемых качествах, как походка, посадка головы, манера говорить — всему этому «Адыгэ Хабзе» придавал огромное значение. Черкесских крестьян же нередко сравнивали с медведями или мужиками. Кстати, в отношении демократических племен побережья такого рода сравнений источники не содержат — там иностранных наблюдателей поражали, как правило, своим почтенным видом общинные патриархи.

В источниках не содержится прямых указаний на наличие в прошлом у адыгов особой жреческой касты, хотя ее существование многие исследователи (в частности, Ж. Дюмезиль) считают бесспорным. Вероятно, христианизация византийского периода и османская исламизация, не сумев уничтожить языческие культы среди адыгов, привели к исчезновению их профессиональных отправителей.

В «вольных обществах», где отсутствовала княжеская власть, положение орков было гораздо сложнее, и им нередко оставалось поддерживать социально приемлемый для своего сословия образ жизни только за счет регулярных близких и дальних набегов и просто разбоя на дорогах. Отсюда — распространение так называемого горского «хищничества» и один из важнейших источников скотоконократства и традиционного бандитизма — абречества. Еще одним социальным механизмом постоянной подпитки абречества была люмпенизация многих оркских фамилий в ходе Кавказской войны и сопровождавшей ее внутренней социальной борьбы в адыгских племенах, которая вела к ломке традиционных структур и буквально переворачивала существующий порядок. Известен случай, когда неудачливого орка, отказавшегося заняться трудом, из жалости содержал у себя на сеновале его бывший крепостной, выбившийся в зажиточные крестьяне [Личная беседа с Б.М. Джимовым].

Отсутствие у адыгских народов государственности с такими ее внешними атрибутами, как чиновничество, письменность и города, вносит теоретическую путаницу в работы советских кавказоведов, непреодолимую на основе догматической пятичленной формационной схемы. Это вынуждает их вводить дополнительные расплывчатые определения типа «раннефеодальный» или «позднепатриархальный строй». В итоге «вольные общества» приходится рассматривать как стадийно предшествующие «аристократическим», более феодальным «племенам». (Правда, М.В. Покровский (1897–1959), один из наиболее профессиональных советских адыговедов, в своей монографии, к сожалению, изданной лишь через 30 лет после смерти автора, делает намеки на то, что демократические племена не были стадийно менее развиты, чем аристократические. Если отбросить обязательную для тех лет «феодализирующую» терминологию, работа М.В. Покровского дает прекрасное описание плебейской трансформации Черкессии в годы Кавказской войны, в которой просматриваются удивительные параллели с демократизацией Карфагена в ходе пунических войн [Покровский 1989].

По некоему негласному соглашению состояние адыгских обществ, зафиксированное в конце XVIII в., признается большинством советских кавказоведов за изначальное, как если бы не было тысячелетней эволюции от зихов и касогов, не говоря уже о древних меотах и иных гипотетических протоадыгах [Гарданов 1967]. То обстоятельство, что с позиций пятичленной формационной схемы народы Северного Кавказа оказываются на протяжении многих столетий, с античности до новейших времен, на стадии вечной переходности, либо игнорируется, либо списывается на консервирующее воздействие постоянных миграций, нашествий кочевников и жизни в горных ущельях.

К сожалению, о социальной организации протоадыгских этносов известно очень немного [Панеш 1983]. Внутренних письменных источников не существует, устная же тради-

ция, центральное место в которой занимает общий для большинства северокавказцев нартский эпос, трудно интерпретируема, хотя тщательная разработка теоретических и методологических вопросов, вероятно, могла бы позволить по-новому взглянуть на многие уже классические сюжеты.

Внешние источники немногочисленны и, как правило, поверхностны и путаны в том, что касается общественного устройства протоадыгов. Это не должно особенно удивлять — античные и средневековые авторы, как западные, так и восточные, сталкивались на Северном Кавказе с чуждыми им реалиями, которые проще всего было охарактеризовать как «дикость». Впрочем, сказанное выше не снимает задачи реконструкции общественного строя протоадыгов по письменным, а также археологическим источникам.

Тем не менее, имеется вполне достаточно оснований рассматривать социальную эволюцию зихов-касогов-адыгов как преемственную, а возникновение «вольных обществ» — как феномен исторически более поздний, чем «аристократические» структуры.

Наиболее известен «демократический переворот» в племени шапсугов, произошедший в конце XVIII в. В 1796 г. у реки Бзюко (18 км к югу от современного Краснодара) произошла битва между ополчением тфокотлей племени шапсугов и шапсугскими орками, которых поддержали князь и дружина бжедугов. Годом ранее бжедугский князь Бат-Гирей и шапсугский патриций Али Шеретлуков ездили в Петербург к Екатерине II, и это позволило им получить поддержку русского артиллерийского отряда, решившего исход битвы [Покровский 1989: 147–154].

Советские историки, детально изучившие военно-политические обстоятельства Бзюкской битвы, сосредоточили свое внимание на политике русского царизма по отношению к горской знати, а также на воздействии исламизации и османского проникновения на народные движения в Адыгее. Последнее обстоятельство, прямо связанное с необходимостью хотя бы относительного оправдания экспансии русских на Кавказе, оказалось непреодолимым препятствием в объяснении хода событий через логику внутренней социальной борьбы в адыгском обществе.

Основным противоречием, приведшим к серьезному военному столкновению, несомненно, была борьба за контроль над торговыми путями из внутренних районов Адыгеи к черноморскому побережью. Поводом к Бзюкской битве послужило изгнание шапсугами своих орков после того, как орки разграбили торговый караван, следовавший через шапсугские земли под охраной группы тфокотлей. Бжедугские аристократы, одна из наиболее влиятельных группировок во внутренних районах Закубанья, вступились за своих шапсугских «товарищей по классу» не ради создания «единого фронта адыгского дворянства», а, скорее всего, из-за желания обеспечить себе более благоприятные условия во внешней торговле, осуществлявшейся через турецкие форпосты на черноморском побережье (крупнейшим среди которых была Анапа, а также Геленджик и Суджук-Кала, ныне Новороссийск).

Едва ли случайно, что все три демократические адыгские племена — шапсуги, натухайцы и абадзехи плюс родственные адыгам, также демократические убыхи — обитали на черноморском побережье, от Таманского полуострова до современного района Сочи и границы с Абхазией. Эти сильные и крупные племена оказались наиболее подвержены исламизации (хотя вопрос о степени и сроках исламизации Адыгеи в целом очень спорен — у шапсугов и абадзехов пережитки византийской (а также и грузинской?) христианизации в виде культа богини «девы Марии» наблюдались еще в конце XVIII в., убыхи приносили жертвы крестам до середины XIX в., не говоря уже о пережитках местных языческих культов). Прибрежные племена вели наиболее упорную борьбу против русского вторжения и в итоге более всего понесли потерь — убыхи полностью исчезли, а численность остальных ныне очень незначительна.

Причина, на мой взгляд, кроется в более глубоком вовлечении в систему традиционной черноморской торговли. Русские, неоднократно пытавшиеся разрушить эту древнюю, восхо-

дящую к ранней античности систему и добившиеся этого в 1830–40-х гг., не могли не вызвать ответной реакции прибрежных племен.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией «демократических переворотов» у прибрежных племен, поскольку здесь мы выходим непосредственно на фундаментальные теоретические проблемы. На африканских материалах в последние годы было хорошо изучено явление размывания централизованной власти в вождествах, вовлекаемых в торговлю на дальние расстояния и превращающихся в периферию более развитых классовых систем. Первоначально прибавочный продукт, полученный в ходе обмена, полностью поступает в распоряжение верховного правителя и его клана, который осуществляет перераспределение, в рамках своего этнопотестарного образования и тем самым укрепляет социальные связи между его сегментами. Однако довольно скоро по мере интенсификации торговли, в непосредственный обмен с пришельцами вовлекаются все новые местные вожди. Появление новых субъектов обмена и перераспределения ведет к нарастанию центробежных тенденций и распаду крупного этнопотестарного образования на ряд мелких. Такова судьба «империй» Мали и Сонгай, суданских государств, Мономотапы, выступавших доклассовой периферией того же самого Средиземноморского греко-«исламского» цивилизационного очага, дальней периферией которого на севере выступала Адыгея.

Нечто подобное должно было происходить и на Северо-Западном Кавказе, но исходом здесь оказывалась не сегментация социума с возникновением новых субъектов обмена, а сохранение племенных структур через качественное социальное изменение — «демократический переворот» приводивший к власти более широкие слои зажиточных (именно за счет участия в торговле!) свободных общинников-тфокотлей, из которых формировалась новая олигархическая верхушка.

Предложенная схема не заработает без объяснения фундаментального отличия общественной организации народов Северного Кавказа и Тропической Африки (которую можно расширительно рассматривать как часть «Востока», не достигшую уровня классовой цивилизации). Подобное объяснение одновременно снимает наиболее трудные вопросы, касающиеся формационного статуса традиционного черкесского общества (и в первую очередь, «дурную бесконечность» вечной межформационной переходности) и тем самым указывает выход из догматического тупика.

Очень перспективную идею высказал дагестанский исследователь М.А. Агларов [Агларов 1989], развивающий концепцию цивилизационного типологического единства Циркумпонтийского региона (в который включается и Кавказ) И.М. Дьяконова. В результате типологического анализа общественного устройства дагестанских «вольных обществ» М.А. Агларов пришел к выводу о несостоятельности интерпретации этого исторического феномена в «контексте феодальных форм», в котором «вольным обществам отводится роль первых стадий начальной фазы феодальной формации». Он пишет: «...предпринятое исследование привело нас к убеждению, что сами общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований («республики», «вольные общества», суперсоюзы и федерации «вольных обществ» и т. д.) и в таком качестве встали вровень с феодальными образованиями. Это означает убеждение в едином уровне общественно-экономического развития Дагестана исследуемого периода в пределах «вторичной общественно-экономической формации» (К. Маркс). ...Самоуправляемая гражданская община (полис), пожалуй, одно из самых высоких достижений социального и политического развития Средиземноморского мира в древности, но она, как показывают исследования последних двух десятилетий, была присуща и Циркумпонтийскому региону» [Агларов 1989: 4].

М.А. Агларов оперирует конкретным материалом Нагорного Дагестана, где хроническое малоземелье и террасное земледелие способствовали наиболее яркому проявлению типологических черт горской гражданской общины, основанной на частной собственности на

землю при коллективном владении. К сожалению, он не смог достаточно последовательно подойти к проблеме «горского феодализма» и взаимодействию с мощными цивилизационными центрами Ирана и Ближнего Востока, ограничившись лишь специфическим регионом Нагорного Дагестана.

На Северо-Западном Кавказе ситуация была существенно отлична — если в Дагестане «вольные общества» возникают в дальне-периферийных горных районах, где социальная напряженность порождалась малоземельем, то в Черкессии «демократизации» подвергались общества, во-первых, не сталкивавшиеся с острым земельным голодом, что отмечали все путешественники, во-вторых, игравшие по отношению к внутренним районам роль посредника в торговле с более развитыми классовыми обществами — в Дагестане таким посредником выступали «феодалы города», по сути своей представлявшие дальние форпосты Ирана. Отсутствие такого чужеродного города-фактории на черноморском побережье (само по себе нуждающееся в объяснении) привело к тому, что его функцию на себя взяли местные общества, после преодоления некоего предела не имевшие иной альтернативы, как демократизоваться. В демократическом же перевороте, как нагорно-дагестанском, так и причерноморском черкесском, проявились сущностные качества того типа общины, который господствовал в средиземноморской зоне европейско-азиатского контакта и свое наивысшее развитие получил в античном полисе.

Если поглядеть шире — то классическая греко-римская античность неожиданно выступает перед нами как остров или архипелаг, высящийся над огромным скрытым от прямого взгляда затопленным континентом, который слагается из тех же пород, что и его надводные видимые вершины. Кельты на западе и кавказские народы на востоке оказываются в подобной перспективе нормой, варварским материком, где горные «вершины» уходят в полисную античность, а не феодализм или восточный «азиатский» способ производства. Загадочные дольмены и мегалиты, чей ареал простирается от Британских островов до Адыгеи, высятся как загадочный символ этого древнейшего и особого материка. Конечно, при таком взгляде возникает намного больше новых вопросов, чем снимается старых (многие из которых оказываются при этом ложными или неверно сформулированными). Если перед нами действительно утонувший в «океане истории» древний материк — то это лишь признак плодотворности избранного подхода.

* * *

Первые непосредственные контакты восточных славян с предками адыгов (касогами) достоверно относятся к X–XI вв., особенно ко времени существования Тмутараканского княжества и знаменитого поединка Мстислава с Редедю. Само красочное описание этого единборства, очевидно, понадобилось летописцу для объяснения участия косогских дружин в борьбе за киевский престол на стороне тмутараканских князей в 1023–1024 гг. [Гадло 1988].

В XVI в., в правление Ивана Грозного, кабардинские князья пытались использовать союзно-вассальные отношения с Московской Русью в своей борьбе с татарами и во внутренних междоусобицах. Кульминацией этой дипломатической игры стал договор 1557 г. и женитьба Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне. Черкесы даже приняли участие в Ливонской войне. В 1951–52 гг., когда советская пропаганда и историки начали развивать тезис об историческом «добровольном вхождении в состав России» нерусских народов современного Советского Союза, 1557 г. был избран в качестве официальной даты присоединения, хотя по русско-турецкому Белградскому мирному договору 1739 г. Кабарда признавалась независимой [Трахо 1956: 21].

Реально процесс присоединения исторической Черкессии к Российской империи начинается лишь в 1790-х гг., с переселением на черноморское побережье Кавказа остатков запорожского казачества и основанием Кубанского казачьего войска (в первые годы XIX в. вдобавок к украиноязычным «черноморцам» русское командование по стратегическим сообра-

жениям обороны кавказских военных линий переселило на Кубань русскоязычных казаков — «линейцев» с Дона и из Южной России). С этого времени на Северо-Западном Кавказе возникает типичная «пограничная ситуация», характеризующаяся противостоянием черкесских традиционных обществ Закубанья и черноморского побережья казакам-поселенцам и русскому имперскому военно-административному аппарату. Этот период продолжался почти семьдесят лет, до окончательного покорения гор Черкессии русской армией в мае 1864 г. и получил в историографии наименование Кавказской войны, хотя на деле состоял из нескольких относительно автономных войн и множества взаимных набегов, перемежавшихся более или менее стабильными локальными и порой даже общими перемириями.

Переселение за Кубань казаков создало в Черкессии новую социальную динамику, в конце концов, приведшую к дестабилизации и трансформации структур традиционного общества. На месте бывшей кочевнической степи, в непосредственном контакте с горцами образовались форпосты европейского классового общества, быстро добившиеся военно-политического, хозяйственного и демографического паритета, а вскоре и преобладания над адыгскими племенами.

Важнейшим каналом русского влияния среди горцев стала пограничная торговля, причем эта торговля качественно отличалась от традиционного обмена с Восточным Средиземноморьем и быстро превзошла его по объемам. Если на прибрежных торжищах и факториях средиземноморские купцы приобретали рабов, мед и воск, эпизодически лошадей и скот, т. е. типичные продукты княжеской дани и военной добычи, то на кубанских меновых дворах шел гораздо более массовый и демократичный торг — поселенцы, особенно в первые десятилетия XIX в., получали от горцев в больших объемах продовольствие, лес, дрова, камыш для кровель, дикие фрукты, лошадей и скот, черкесские ремесленные изделия, причем не только такие «аристократические», как кинжалы и шашки, но и бурки, ноговицы, черкески, чувяки. В обмен горцы получали железо и соль, дешевые ткани.

В 1827 г. от шапсугов в один из фортов прибыла делегация, заявившая, что их народ считает «торг с Россией более выгодным, нежели с Турецкою державою», мотивируя это тем, что «только богатые могут пользоваться меню от Анапы» [Джимов 1986: 21]. В торговлю с русскими вовлекались широкие слои адыгских обществ, что укрепляло позиции тфокотлей перед лицом князей и особенно низших категорий орков. Кроме того, русские принимали беглых горских невольников и зависимых крестьян, лишь иногда, в качестве знака благорасположения, возвращая их прорусски настроенным владельцам. В результате в 1830-х гг. в адыгских племенах происходит новая серия демократических переворотов — абадзехи и убыхи на своих народных собраниях потребовали уравнивать орков с рядовыми общинниками, натухайцы лишили своих аристократов всех родовых прав и конфисковали их имущество, а шапсуги вообще изгнали наиболее влиятельные роды со своей территории [Джимов 1988: 74].

Более того, попытки демократических переворотов зафиксированы и в традиционно княжеских племенах. Наиболее серьезной и известной попыткой такого рода была так называемая «княжеско-дворянская война» (пши-орк-зао) у бжедугов в 1856 г. Бжедуги — одно из наиболее многочисленных и сильных племен Закубанья, имевшее протяженную границу с кубанскими казаками. В первой половине XIX в. произошла радикальная переориентация бжедугской внешней торговли в изменился ее характер — из контролируемой аристократией дальней и «богатой» торговли с турецкими форпостами на побережье она сделалась повседневной, массовой и демократичной по составу ее участников и ассортименту товаров, представляемых на русских меновых дворах.

Консолидация зажиточной тфокотльской верхушки у бжедугов, которую аристократы пытались сдержать при помощи произвольных штрафов, увеличения дани и просто грабежа, вызвала резкое обострение социальной борьбы и в итоге — ультимативное требование равноправия, выдвинутое лидерами тфокотлей на общем собрании бжедугов в одной из наибо-

лее почитаемых священных рощ (Чьыгудж). В последовавшей за уходом аристократов с народного собрания гражданской войне бжедугские тфокотли при помощи отрядов демократических племен абадзехов и шапсугов сумели одержать кратковременную победу и начать раздел имущества разгромленных аристократов. Исход восстания был решен вмешательством казаков и русских войск, призванных уцелевшими бжедугскими князьями. К тому времени проаристократическая позиция русского командования на Кавказе давно была совершенно очевидна [Джимов 1986: 80–82].

Исход социально-политической борьбы в Черкессии в период Кавказской войны во многом определялся внешними силами. Турки, с 1830-х гг. до завершения Кавказской войны действовавшие совместно с английскими агентами, а также наибы (наместники), направленные после 1842 г. из Дагестана имамом Шамилем, вели прагматичную до цинизма политику поиска союзников среди адыгских племен, периодически оказывая помощь то аристократическим, то демократическим, тфокотльским группировкам. Наибы Шамиля пытались любой ценой распространить на Северо-Западный Кавказ идейные и организационные принципы воюющего исламского государства, которое создал в Дагестане Шамиль, апеллируя в своих воззваниях в основном к тфокотлям и зависимым сословиям. Позднее наибы (особенно Мухаммед Амин, последний и самый знаменитый наиб в Адыгее) пытались маневрировать, умерив свою враждебность к «непослушной» традиционной аристократии и заигрывая с мелкими орками, чье положение после долгих лет войны и в результате укрепления верушки тфокотлей было очень неустойчиво.

Наибы опирались в своей деятельности на две структуры государственного типа, которые строились за счет использования социальных противоречий черкесских обществ позднетрадиционного периода. Во-первых, была создана гвардия хаджиратов и муртазаков — профессиональных исламских воинов, не связанных ни с одной из племенных и общинных структур. Преимущественно то были люмпен-орки, которых красочно описывает кубанский историк XIX в. И. Попко: «Буйные бездомовники, которые выросли в круглом сиротстве и неимуществе или которые, накликав на себя гонения в своих обществах, бежали с родины на чужбину и там, по неимению недвижимой собственности и тягла, промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкой» [цит. по: Покровский 1989: 211].

В отличие от «бездомовных» хаджиретов, сосредоточенных в свободное от походов время в укрепленных административных центрах исламского государства — «мехкеме», в аулах имамат должны были представлять старосты-мухтары. Их назначали наибы по одному на сто дворов, давая в помощь пять хаджиретов. Для старшин тфокотлей это предоставляло искомую возможность формального закрепления своего положения. Одновременно противопоставление шариата традиционному адату и введение стодворок вместо аульских общин ликвидировало окончательно базу оркских привилегий.

Мюридизм, священный газават против неверных и учреждение новых централизованных структур исламского управления (крепости-мехкеме) создали мощный фактор вертикальной мобильности в адыгском обществе, которым воспользовались многие представители низших сословий. Аристократия подверглась значительной маргинализации. Многим ее представителям не оставалось иного приемлемого выхода, как стать разбойниками-абреками или перейти на русскую службу (делали, впрочем, попеременно и то, и другое).

Политика самодержавия по отношению к горским аристократам опиралась на давнюю имперскую традицию. Уже в первой четверти XIX в. в русском офицерском корпусе на Кавказе служило немало ассимилированных горских князей. Наиболее охотно на русскую службу в Адыгее переходили выходцы из традиционно маргинальных элитных групп — султаны под предлогом того, что после присоединения Крыма к России большинство Гиреев присягнуло на верность Екатерине Великой, и чаркезо-гаи как христиане. Переходили и князья, особенно те из них, кто сталкивается с растущим давлением внутренних «демократических»

оппозиций или с наибами Шамиля. Но массовый переход горских аристократов на русскую службу начинается лишь на последнем этапе Кавказской войны.

Проаристократическая политика кавказского командования и царского правительства оказалась одним из основных факторов, предопределивших махаджирство — массовое переселение горцев в Османскую империю после их окончательного поражения в войне. Прибрежные демократические племена, поставленные в трудные условия русской военно-морской блокадой 1830-х гг., к концу войны явно искали компромисса. Однако отказ русского командования признать фактическое господствующее положение плебейской олигархии тф-котлей при вхождении в российское подданство наряду с многочисленными обещаниями в отношении аристократов, способствовали принятию народными собраниями прибрежных демократических племен антирусских решений о продолжении вооруженного сопротивления и о переселении в Турцию в случае поражения.

В этом был сознательный расчет властей Российской империй, стремившихся избавиться от потенциальных «немирных» подданных, заменив их «христианским элементом». В итоге на земли Османской империи переселились от 400 до 800 тысяч адыгов. Оставшиеся в Кубанской области на 1865 г. «горцы 71 775 душ обоего пола» (черкесы и тюркоязычные карачаевцы) более не составляли цельного района проживания и, кроме того, подвергались принудительному переселению с гор в низины [Ратушняк 1977: 100]. Между адыгскими аулами были размещены казачьи станицы и хутора иногородних переселенцев. Автор дореволюционного справочника признавал, что «выселение черкесов было катастрофой. Край обезлюдел на полвека... Черноморская береговая линия, созданная в 1839 г. была чисто военной. В мае 1864 г. было расселено 800 казаков и матросов в 12 станицах по побережью, от Туапсе до Геленджика, все насильно... Детская смертность в этих станицах в отдельные годы достигала 100 %... Объявленные в Петербурге в 1867 г. публичные торги земельных участков под поместья (от 700 до 2 500 десятин) отменялись трижды, ибо не являлось ни одного покупателя» [Доброхотов 1916: 23, 24, 26].

Традиционный период, т. е. эпоха автономного развития адыгского социума, завершился трагическим исходом. Исчезли не только целые племена (множество горцев погибло при паническом неуправляемом переселении от голода и эпидемий, большинство в последующих поколениях утратило язык и перешло на турецкий или арабский). Прервались или качественно переродились основные тенденции эволюции традиционных горских обществ. Среди черкесов, включенных в Российскую империю и через ее посредство вовлекаемых в мировую капиталистическую систему, началось принципиально новое по своему типу классовообразование.

* * *

Окончание Кавказской войны совпало со временем проведения реформ в России, задачей которых было компенсировать явно увеличивающийся разрыв между индустриализующимися государствами Западной Европы и великой евразийской мироимперией и тем самым обеспечить ее сохранение. С точки зрения стратегических имперских интересов, Кавказская война была традиционным экстенсивным способом и средством поддержания международного статуса самодержавной России. Присоединение в первой трети XIX в. Закавказья давало выход на Ближний и Средний Восток, превращало Россию в соперницу Британии и важнейшего европейского претендента на османское наследство.

Покорение северокавказских горцев было призвано обеспечить необратимость этого прорыва на престижном южном направлении и, кроме того, снимало остроту ряда внутриимперских проблем. Хроническая война на Кавказе позволяла занять на офицерской службе значительное количество российских дворян, оказавшихся не в состоянии поддерживать свое существование за счет крепостнического помещичьего хозяйства. Впоследствии раздача земель на Кавказе русским поселенцам, не только дворянам, но и казакам и крестьянам,

способствовала снижению демографического давления в центральных районах и созданию одного из наиболее зажиточных регионов империи.

Позорно проигранная Крымская война, наложившаяся на долговременный военный конфликт на Кавказе, наглядно продемонстрировала дальнейшую непригодность чисто экстенсивной завоевательной стратегии защиты Российской империи в рамках кардинально изменившейся после 1848 г. капиталистической миросистемы. Резкое усиление активности русского командования на Кавказе в 1858–64 гг. было вызвано желанием нового императора, Александра II, как можно скорее покончить с доставшимся ему в наследство самым длительным в истории Российской империи военным конфликтом. «Замирение» Кавказа было одним из важнейших условий начала модернизационного рывка самодержавного государства, поэтому экстенсивный, завоевательный способ защиты империи должен был уступить место интенсивному — самодержавным «догоняющим» реформам.

Последствия имперской политики умиротворения Черкессии сравнимы с геноцидом, хотя субъективно царь-освободитель ставил лишь задачу замены «немирного» черкесского населения «трудолюбивым христианским элементом» — русскими поселенцами и понтийскими греками и армянами, которых Османское правительство выдавало в обмен на воинственных единоверцев, расселяемых, в свою очередь, в наиболее беспокойных нетурецких районах Османской империи (Болгарии, Сирии). Если в середине XIX в. горское население Северо-Западного Кавказа составляло порядка 800 тыс. чел., а русское — всего 185 тыс., то к концу века соотношение изменилось до 100 тыс. горцев и 2,5 миллионов поселенцев [Джимов 1986: 10]. Численность выселившихся горцев оценивается минимум в 400 тыс. чел., исчезли почти полностью прибрежные демократические племена, на долю которых до начала «махаджирства» — массового выселения — приходилось 2/3 адыгов.

Кубанская область до завершения Кавказской войны оставалась слабо освоенным приграничным краем. Основу хозяйства составляло экстенсивное скотоводство. Кубань в первой половине XIX в. регулярно ввозила зерно. К началу первой мировой войны это уже был второй после Херсонской губернии экспортный зернопроизводящий регион России, откуда ежегодно вывозилось около 60 млн. пудов [Ратушняк 1989: 191].

Кубань на рубеже XIX–XX вв. стала одним из полюсов капиталистического развития на территории Российской империи, в исторической литературе нередко противопоставляемым большинству аграрных районов России как зона фермерского хозяйства, развивавшегося по «американскому пути». Само разделение на «прусский» и «американский» путь представляется более публицистическим, нежели имеющим аналитическую ценность. Существенным недостатком такого чисто назывного определения выступает недоучет специфики сословной общественной структуры казачьего края в рамках Российской империи и порождаемых этим фактором отнюдь не «американских» противоречий, в конце концов приведших к ожесточенной гражданской войне.

Адыгея очень быстро была унифицирована в рамках Кубанской войсковой области в империи в целом, что облегчалось как особенностями традиционной социальной организации черкесов, так и ее глубоким кризисом, вызванным русским завоеванием и махаджирством. Традиционная сословная иерархия была окончательно сломана в первые же годы русского правления, оставив лишь реликтовые проявления. Зависимые сословия (пшитли, унауты, оги, азаты — соответственно, крепостные, рабы и вольноотпущенники) освободились или были отпущены за выкуп в основной своей массе еще в последние годы войны, до официальной отмены крепостного права у кубанских горцев в 1868 г. Между бывшими хозяевами и невольниками иногда сохранялись отношения типа клиентелы, поддерживаемые в основном из-за первоначального отказа русских властей наделить землей из государственных фондов бывших горских рабов. Это положение позднее было отменено и вызвало в ряде общин серьезные коллизии — бывшие крепостные оказались юридически равны своим бывшим хозяевам, оркам и тфокотлям.

С 1888 г. черкесские аулы были включены в регулярное административное деление Кубанской войсковой области практически на тех же условиях, что и казачьи станицы, исключая только важнейшую функцию казачества — воинскую службу. До 1912 г., а фактически — до создания в 1915 г. Дикой дивизии, «туземцы» отбывали воинскую повинность либо в качестве всадников нерегулярной горской милиции (с полицейскими задачами), либо уплачивая специальный денежный налог. Основная масса черкесов в ходе земельной реформы была наделена приблизительно такими же участками, что и казаки (средний паевой надел в 1917 г. — 6,8 дес. у черкесов и 7,6 дес. у казаков [Ратушняк 1989: 26]), в рамках сельской уравнилельно-переделельной общины.

Племенные образования исчезли у черкесов в ходе катастрофы махаджирства и уже не имели почвы для возрождения. Племенные различия сохранились, и то далеко не у всех черкесов, лишь в качестве культурно-лингвистических особенностей. Та же участь постигла и родовые патронимические объединения, в лучшем случае сохранившиеся в новых переселенных на равнину аулах в качестве названий кварталов. Общинные отношения оказались, во-первых, ограничены рамками аула, во-вторых, лишены всех архаических черт (включая и взаимоотношения с князьями-покровителями) и практически свелись к отношениям поземельным. Гражданский частнособственнический тип традиционной адыгской общины в новых условиях позволил провести заимствование казачьих общинных институтов настолько гладко и естественно, что эту кардинальную перемену не отметило не только большинство современников, но и исследователей последующих лет!

Вместе с казаками и иногородними крестьянами черкесы переходят к товарному производству пшеницы и даже ранее неизвестной ржи. Позднее некоторые аулы переориентируются на более доходный, но и более сложный в выращивании и первичной обработке табак. Многие домашние хозяйства продолжали и увеличивали производство на продажу традиционных ремесленных изделий (бурок, черкесок, сбри, корзин). Быстро исчезли ремесла, ориентированные на аристократическое потребление — ювелирное и оружейное. Ремесла же, связанные с крестьянским бытом, процветали на том уровне сельского рынка, который оставался практически непроницаем для промышленных товаров. Домашние ремесла выжили в полуподполье даже после насильственной коллективизации и сохранились до начала 1950-х гг., а отдельные их виды получили новый импульс с развитием туризма (например, продажа вязаных свитеров из неокрашенной шерсти).

По мнению наиболее авторитетных специалистов [Джимов 1986, 1972; Ратушняк 1989], развитие аграрного капитализма в черкесских аулах если и отставало по темпам от аналогичных процессов в казачьих станицах, то ненамного. По уровню доходов на домохозяйство черкесские крестьяне смыкались с русскими. Документальные свидетельства о «горской нищете», встречающиеся у дореволюционных авторов и обильно цитируемые некоторыми советскими историками, основаны на субъективных и культурных особенностях восприятия элементов традиционного быта черкесов. Глинобитные, крытые камышом хижины, с открытым очагом и дымарем в крыше вместо трубы и окон, почти полное отсутствие мебели, скрипучие неуклюжие арбы, отсутствие садов, делавшее аулы голыми в сравнении со станицами, повалившиеся плетни вместо заборов — все это в сумме рождало преувеличенные представления о бедности горцев.

Черкесы оставались сельским народом. В городах можно было встретить только частично или полностью ассимилированных представителей горского дворянства и буржуазии, а также немногочисленных деклассированных черкесов, порвавших или потерявших связь с аулом. Культурно-лингвистический барьер способствовал замыканию горцев в пределах аулов. Отсюда — преобладание сельской пауперизации разорявшегося сельского населения вместо урбанизации и пролетаризации, несмотря на промышленный бум начала XX в., связанный с инфраструктурным строительством и нефтяной лихорадкой в районе Майкопа по-

сле 1909 г. В Майкопе, современной столице Адыгейской АО, в 1905 г. насчитывалось 35 754 жителя, из них всего «89 горцев и других инородцев» [Фарфоровский 1910: 62].

Главной задачей царского правительства на Кавказе после завершения войны было достижение стабильности в регионе. Никаких особых целей колониально-эксплуататорского характера, вопреки господствующему в советской историографии мнению, выделить невозможно. Искусственно спровоцированные катастрофические для черкесов (впрочем, и для многих первопоселенцев) этнодемографические сдвиги были вызваны именно стремлением стабилизировать новоприобретенные окраины империи любой ценой — с тем, чтобы иметь возможность забыть о них.

Здесь нет места разбирать сложнейшую и запутанную эволюцию имперской административной политики по отношению к черкесам, поэтому ограничимся общим обзором ее последствий для черкесских элитных групп.

Объективно русская администрация совершила демократические перевороты, разрушив при этом и саму племенную структуру. Горские князья потеряли связь с аульскими общинами и быстро утратили все свои традиционные прерогативы, связанные с управленческими, судебными и перераспределительными функциями. Освобождение зависимых сословий, ликвидация традиционной дани и тем более доли в военной добыче и прибыли от торговли на дальние расстояния, плюс монетаризация и радикальное изменение стандартов образа жизни господствующих сословий привели едва ли не ко всеобщей маргинализации князей.

Терско-кубанская сословная комиссия, созданная в 1869 г. для урегулирования вопросов нивелировки прав и привилегий высших горских сословий и российского дворянства, довольно непоследовательно, с волокитой и скандалами, к 1888 г. включила в состав высшего сословия империи 2 585 представителей кубанских горцев [Джимов 1986: 139]. Это были в основном султаны татарского происхождения, с XVIII в. приравняемые к российским дворянам, и пши, за которыми сохранялся княжеский титул. Без сохранения титула были признаны права группы высших орков — тлекотлешей и деженугов.

Большинство орков и остатки неэмигрировавшей олигархии тфокотлей были низведены до юридического статуса горских крестьян и включены в общину на общих правах, что, естественно, вызвало значительное недовольство и внесло в новую сельскую общину структурный конфликт, который можно проследить вплоть до революции. Борьба между орками и тфокотлями за преобладание внутри аулов последний раз отмечается в период коллективизации. По рассказам некоторых старожилов, потомков орков плебеи-тфокотли вычищали из различных выборных органов, естественно, с формулировкой «кулаки» и «классово чуждые элементы», скрывавшей реликтовый характер конфликта.

Земельная реформа, начатая русскими властями в конце 1860-х годов и затянувшаяся в некоторых районах Адыгеи до начала XX в., предоставляла «владельческим фамилиям», т. е. пши и султанам, формальные права на некоторые их бывшие вотчинные земли. В результате образовались латифундии, площадь которых насчитывала тысячи десятин. Ряду высших орков предоставлялись поместья по офицерским нормам, площадью в несколько сот десятин. Кроме того, в Адыгее было роздано около двухсот офицерских пожалований чинам русской армии, участвовавшим в Кавказской войне, среди них — многим черкесам.

Большинство латифундий поменяло хозяев уже в 1880-х гг. Как правило, горские аристократы, получившие русское дворянство, были не в силах быстро адаптироваться к жестким условиям, диктуемым включением Северного Кавказа в мировую систему капитализма. Латифундии закладывались, сдавались в аренду, продавались частями. Сыновьям князей обычно не оставалось иного пути, как воспользоваться своими сословными правами для поступления в привилегированные военные училища.

Наиболее жизнеспособными оказались относительно небольшие по площади хозяйства, владельцами которых были либо отставные черкесские офицеры и прапорщики милиции, либо купцы из числа черкесо-гаев, т. е. представители групп культурных билингв по преиму-

ществу. Землю приобретали и черкесские мусульманские иерархи, освобожденные от налогов как лица духовного звания, что делало для них особенно выгодной сдачу земли в аренду.

Почти все черкесские помещики были абсентеистами, чьи связи с основной массой черкесского населения были весьма опосредованы. Фактически вместе с городской черкесской буржуазией и интеллигенцией (представленной буквально считанными именами) они составляли особую этническую подгруппу российских господствующих классов. Некоторые аристократы черкесского происхождения ассимилировались вплоть до утраты языка и перехода в православие. Черкезо-гаи «расчеркешивались» даже в двух направлениях одновременно — русифицируясь и восстанавливая армянскую идентификацию (выписывались армянки-невесты, учителя, священники — ведь армянского черкезо-гаи не знали).

Переходным мостиком между аулом и городом служили полумаргинальные интеллигенты, выходцы из крестьян, сумевшие получить образование и специальность — обычно учителя, фельдшера, землемера или сельского коммивояжера. Из этой среды вышли многие адыгские просветители так называемого третьего поколения (по традиции первым поколением считаются некоторые пишущие черкесские аристократы на русской службе в период Кавказской войны, вторым — первые горские интеллигенты пореформенного периода, третьим — буржуазные и маргинальные интеллигенты первой трети XX в. [Избранные произведения адыгских просветителей...]). У этих людей, выдвинувшихся в качестве идейных и политических лидеров в годы революции, нередко были очень причудливые биографии. Например, большевистский мученик и герой Адыгеи Мос Шовгенов происходил из аула Шащефыж (букв. «выкупленные головы»), где после освобождения поселились бывшие крепостные армавирских черкезо-гаев. Видимо, при помощи бывшего хозяина ему удалось получить образование и отправиться в Америку, где он три года работал на заводах в Чикаго и вернулся на Кубань техником по сборке сельхозмашин в представительстве американской фирмы в Армавире.

Почти американская по фабуле биография у самого известного черкесского промышленника Л.Н. Трахова. Тфокотль из расположенного неподалеку от Екатеринодара аула, он сделал себе состояние на сбыте строевого леса в городе, переживавшем строительный бум. Уникальной особенностью Л.Н. Трахова можно считать то, что он не вложил деньги в какое-либо традиционное престижное дело — коневодство или покупку земли, а построил кирпично-керамический завод и стал одним из первых монополистов местного кубанского масштаба, причем в одной из наиболее прибыльных отраслей. Трахов оставил Краснодару несколько самых красивых зданий в историческом центре города, в одном из которых с некоторыми моральными основаниями в 1922–36 гг. размещалось адыгейское областное правительство. Сын самоучки Трахова, Р. Трахо, уже был известен как один из лидеров горского автономизма и эмигрантский историк.

Биография Л.Н. Трахова исключительна. Однако фактом остается то, что в 1917 г. в черкесских аулах насчитывалось около 600 лавочников — профессиональная торговля была полной новацией для адыгов. Совокупный торговый оборот некоторых крупных аулов измерялся в сотнях тысяч рублей. В 1912 г. в несколько аулов был проложен телефонный кабель, открывались отделения банков и телеграфа, росла мелкая сельская промышленность. (Правда, необходимо учесть, что в ряде аулов жили иногородние арендаторы и купцы).

Внутри аульской общины выделялась имущая верхушка, однако нет никаких исследований, авторы которых ставили бы задачу проследить преемственность тенденций к консолидации олигархии тфокотлей в конце традиционной эпохи и выделения «кулачества» в период включения Адыгеи в мировую капиталистическую систему. Вероятно, бывшим оркам не удавалось реконсолидировать свое положение — русские власти в первые годы после покорения Кавказа сознательно лишали власти бывших аристократов «относившихся весьма враждебно ко всем реформам в быту горцев и не исполнявших распоряжения начальства», по выражению документа тех лет [Джимов 1986: 107]. Взамен предписывалось избирать «стар-

шин народного происхождения». Эти новые низовые власти (позднее приравненные к станичным атаманам у казаков) обладали достаточной властью и возможностями для консолидации своего особого положения в общине, причем легитимация этих старшин носила тройной характер — имперско-государственный, исламский и традиционный. О прочности этого сплава можно судить по тому факту, что большевикам после всех потрясений гражданской войны и борьбы с бело-зеленым бандитизмом потребовалось еще десять лет и коллективизация, чтобы подорвать позиции аульских «стариков».

* * *

На революции 1917 г. черкесы первоначально реагировали очень слабо. Часть генералитета и некоторые высшие аристократы черкесского происхождения вполне закономерно выступили с консервативных сословно-монархистских позиций — подобно русской высшей дворянско-чиновничьей аристократии, этот социальный слой имел очень мало шансов на сохранение при переходе от сословной к буржуазно-демократической классовой стратификации. Большинство же урбанизированной черкесской элиты на собрании, состоявшемся 8 марта 1917 г. заявило о поддержке Временного правительства и о том, что горцы «не стремятся к какому-либо особому краевому выделению или автономии». В августе 1917 г., когда кризис бывшей империи достаточно углубился, на съезде горских представителей в ауле Хакуринохабль (ныне Шовгеновский) при отчаянном сопротивлении пока еще незначительной группировки автономистов было заявлено о полной поддержке политической программы казачьей верхушки Рады [Гольдентул 1924: 55].

Главным вопросом, вокруг которого разворачивалась вся гражданская борьба на Кубани в 1917–18 гг., был вопрос о сословном землевладении. Теоретически верховным земельным собственником в области выступало казачье войско, однако земельные пожалования царского правительства и отчуждения земель иного рода при постоянном демографическом приросте казачьего населения привели к серьезному сокращению средне-душевого пая. Это подрывало хозяйственную базу казачества как военно-земледельческого сословия и воспринималось его основной массой как вопиющая социальная несправедливость, «оскудение казачества». Противоречие, собственно, состояло в стремлении самодержавного государства и значительной части самого казачества противопоставить сословность объективной тенденции к классовой стратификации, сопровождавшей развитие аграрного капитализма на юге России.

Нечто подобное происходило и с черкесами. Реально средний надел на душу населения в Адыгее к весне 1917 г. составил около 3 дес. у казаков, 2 дес. — у черкесов и 1 дес. — на иногородних крестьян. Показатели земельной дифференциации у черкесов были относительно невелики (как и у казаков, особенно «куренной», украиноязычной их части) — 15,8 % населения аулов владело приблизительно 30 % обрабатываемых земель [Очерки истории Адыгеи. Т. 2. 1981: 12]. Казачьи и черкесские демократы видели свою задачу в том, чтобы вернуть в общинный оборот государственные и помещичьи земли. При этом, однако, совершенно не принимались в расчет интересы иногороднего крестьянства, рассматривавшегося обеими коренными группами населения как пришлое и потому имеющее право на обработку земли лишь через посредство аренды у местного населения. Это создавало хроническую «дикую национальную рознь» [Емиж 1972: 306], с конца лета 1917 г. выливавшуюся в стычки и межевые споры между черкесами, казаками и иногородними в марте 1918 г. приведшую к кровавому разгрому многих аулов красногвардейскими отрядами из некоторых станиц и иногородних сел [См., например: Раенко-Туранский 1927: 73–80]. Репрессии революционных отрядов против горцев проводились под предлогами поиска агитаторов Кубанской Рады, бывших офицеров Дикой дивизии, реквизиций скота и продовольствия и изъятия оружия.

Черкесы Закубанья в целом пассивно отнеслись к гражданской войне, хотя район Майкопа и Екатеринодара благодаря высокой концентрации иногороднего населения весной-

осенью 1918 г. превратился в очаг формирования мощной красноармейской партизанской группировки (так называемой Филипповской армии и ряда других революционных ополчений), а вооруженные отряды различной политической ориентации пытались использовать предгорья для создания повстанческих баз. Случаи вступления черкесов в Красную армию буквально единичны. У белых в разное время воевало несколько тысяч черкесов, в основном в сводных казачье-горских отрядах генералов Султана Каплан Гирея и Султана Келеч Гирея и у С.Г. Улагая. Основные типы мотивации участия черкесов в гражданской войне — далеко не политические. Это либо личная преданность командирам у ветеранов первой мировой войны из Дикой дивизии, либо месть за разгром аулов, причем месть с сильной традиционалистской окраской — красногвардейцы, требуя выдачи скрывавшихся в аулах казачьих лидеров, расстреливая стариков или отбирая кинжалы, совершая преступления против традиционного комплекса чести, и автоматически делались кровными врагами.

А.И. Деникин описал психологическое состояние аулов к началу гражданской войны в типичных для своего времени выражениях: «Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства — пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроении нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури: ни социального сдвига, ни разрыва со старой государственностью, ни черкесской самостоятельности. Был страх, и было желание вернуться к спокойным мирным условиям жизни. Только» [Деникин 1989: 69].

Деникин, выступающий в своих мемуарах почти объективным наблюдателем, прежде не выказывал этих качеств в своей практической деятельности на посту главнокомандующего «Добровольцев» ВСЮР. Его конфликт с казачьим населением Кубани и военные действия против горских автономистов затронули и черкесов. Черкесские политики были единодушны в стремлении к установлению стабильной государственной власти взамен рухнувшей имперской системы, противоречия же начинались в основном при выборе ориентации — на независимую Горскую республику в границах 1800 г., Турцию, казачью Раду, державы Антанты или большевиков, которые к 1920 г. многими кавказцами воспринимались скорее уже как наиболее последовательные представители российской государственности, нежели революционеры.

Советская власть была окончательно установлена в Адыгее весной 1920 г. Бело-зеленое повстанчество действовало в горах до 1922 г., но в основной массе это были остатки казачьих отрядов. Черкесское абречество цвело в обстановке всеобщей нестабильности, не принимая при этом политического характера.

Большевики сумели навести порядок к лету 1922 г. при помощи очень жестких, порой циничных мер против повстанчества и абречества (к примеру, широко практиковался захват родителей в качестве заложников) в сочетании с экономическими механизмами начавшегося периода НЭПа. (Один из информантов приводит слова своего деда: «Тут всем стало ясно, что с этой властью шуток не шутят».) Но потребовалось еще десятилетие, чтобы ликвидировать основные структуры горского общества, сформировавшиеся в период господства в Адыгее Российской империи и мировой капиталистической системы.

* * *

Рассмотрение стратегических задач большевиков на Кавказе в период создания Советского государства выходит за рамки данной работы, поскольку данная проблема в силу своей сложности нуждается в особой концептуальной проработке. В порядке предварительных соображений можно сказать следующее: большевики боролись не просто за обеспечение своей власти, как считают эмигрантские историки Северного Кавказа — для такой относительно простой задачи их усилия выглядят чрезмерными; большевики настойчиво и последовательно трансформировали сам общественный уклад горских народов, уничтожая не только элитные группы (как казалось многим большевикам), но и общественную структуру в целом.

После покорения Кавказа власти Российской империи сделали максимум от них зависевшего для унификации общественных отношений на новоприобретенных территориях с уровнем пореформенной России. Большевики делали то же самое, но на качественно ином уровне, соотносящемся с так называемой «колониальной» политикой самодержавия, как царская каторга и ссылка со сталинским ГУЛАГом.

В разных вариациях в документах 20-х годов постоянно фигурирует мысль о том, что сложность большевизации Адыгеи и Кубани в целом проистекает из «абсолютного преобладания многочисленных мелких собственников», чья собственность обусловлена при этом сословно-общинными привилегиями. В отличие от русской деревни, «пережившей кровавый раскол еще в 1918 г.», казачьи станицы и тем более горские аулы и после завершения гражданской войны сохранили относительную социальную монолитность, поэтому большевики не имели никакой серьезной и адекватной себе социальной прослойки, способной выступить проводником революции внутри станицы и аула.

Белогвардейское командование Добровольцев (ВСЮР) в период гражданской войны, исходя из стремления восстановить довоенный «статус кво», тем самым по большинству наиболее острых политических вопросов сумело занять наилучшие из возможных позиций. Земельная реформа, обещанная бароном Врангелем в период высадки на Кубань крымского десанта летом 1920 г., была слишком запоздалой и половинчатой. Частновладельческие земли, служившие основным объектом споров, были сходу экспроприированы большевиками и начали передаваться местному трудовому населению. За иногородними арендаторами была закреплена фактически обрабатываемая земля. Надо отметить, что и продразверстка первое время не превышала деникинских налогов и военных реквизиций — но уже в 1921 г., в ходе сбора чрезвычайной помощи голодающим Поволжья, начались локальные восстания. Пока же, как писал Ленин, казаки «увидели, что большевики хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате Врангель полетел с Кубани» [Ленин. Т. 41: 358].

В 1920–22 гг. большевики действовали на Кубани как военно-государственная сила, которая в отличие от 1918 г. опиралась не на стихию энтузиазма иногородних крестьян и нестойкие отряды молодых казаков-фронтовиков, а на диктаторскую систему ревкомов. Даже если на местах возникали или воссоздавались советы образца 1918 г., они либо распускались, либо полностью подчинялись ревкомам, назначаемым командованием Красной Армии. В то же время, кровавый опыт гражданской войны удерживал большинство населения в состоянии выжидательного нейтралитета по отношению к новой сильной власти, умевшей сочетать «каток красного террора» (как выразился в 1922 г. член Кубчерревкома т. Эпштейн) с социальными компенсаторами (напомню: с 1920 г. началась земельная реформа, во второй половине 1921 г. стали ощущаться первые меры НЭПа).

Адыгея представляла для революционной диктатуры значительную потенциальную опасность — гористый район с выходом к морю был словно создан для повстанчества, а новая власть могла рассчитывать в тех местах лишь на лояльность иногородних поселенцев, что, в свою очередь, было чревато втягиванием ее в местные сословно-национальные конфликты. Аул оставался непроницаем. Для овладения горским населением большевиками была использована стратегия, которую можно назвать «холодной гражданской войной». Ее трагической кульминацией и финалом стала коллективизация, на Кубани принявшая размах настоящего антикрестьянского геноцида.

В Адыгее, как и повсюду, новая власть начала с земельной реформы, в ходе которой было экспроприировано 41 помещичье хозяйство (из них 22 принадлежали черкесам) и выселено какое-то количество русских кулаков и иногородних — пока только за Кубань, на «освободившиеся казачьи земли». Дополнительные участки прирезались в основном иногородним, поскольку при слабости революционного влияния в аулах новые участки, как опасались большевики, могли укрепить положение зажиточной верхушки. В то же время, постоян-

ные требования иногородних наделить их землей за счет «контрреволюционных азиатов» ставили ревкомы в двусмысленное положение.

Большевики искали контакта с сохранившейся частью горской просветительской интеллигенции, хотя если это и удавалось, то основой сотрудничества было взаимное недопонимание. Мусульманская секция Кубаночерноморского облревкома, просуществовав с 8 апреля по 11 августа 1920 г., была распущена как «не давшая ничего, кроме пропаганды панисламизма» [Раенко-Туранский 1927: 104]. Созданная взамен мусульманской Горская секция облревкома, несмотря на руководство абхазского большевика Нестора Лакобы, отличилась принятием 29 декабря 1920 г. решения о сохранении ряда норм шариата в повседневной жизни горцев при общем признании юрисдикции РСФСР. Показательно, что предлагалось сохранить те разделы традиционного права, в которых речь шла о земельной собственности, правилах торговли, правах наследования, т. е. противоречащие политике военного коммунизма. И горскую секцию постигла массированная чистка под предлогом «засорения» ее состава такими людьми, как брат генерала Султана Келеч Гирея.

В августе 1922 г. была создана Адыгейская автономная область. В 1922 г. адыгейцы проживали несколькими очагами — 32 аула в районе Краснодара, 13 — в районе Майкопа, и еще 9 шапсугских аулов на побережье между Туапсе и Сочи. Для последних в 1923 г. был выделен Шапсугский национальный район, упраздненный в мае 1945 г. [Бугай, Джимов 1989: 217]. В 1936 г. Адыгейская АО претерпела «укрепление» за счет передачи ей нескольких чисто русских районов и города Майкопа в качестве областного центра (ранее аппарат АО размещался в Краснодаре). Можно лишь гадать, был ли в том маккиавелианский умысел Сталина, но в итоге адыгейцы, составлявшие при создании области более 60 % ее населения, сегодня составляют лишь 22 %, а их столица Майкоп — почти на 90 % остается неадыгейским городом.

Первым вошедшим в историю лидером Адыгейской АО был Шахан-гирей (он же Степан) Хакурате. Выходец из «средняцкой крестьянской семьи», как пишут официальные биографы, он сумел получить фельдшерское образование. В 1903 г. еще учеником вступил в ячейку Украинской (!) революционной партии (УРП), созданную в одном из аулов братьями Заёма, давно жившими среди горцев иногородними поселенцами, впоследствии ставшими большевистскими руководителями. В РКП(б) Хакурате вступил лишь в 1920 г., но быстро выдвинулся на исполкомовской работе. Это был первый и во многом типичный горский партвыдвиженец в Адыгее. Энергичный и, несомненно, умный человек, Хакурате терпеливо строил свою власть в Адыгейской АО при помощи патерналистских методов. Он был не чужд широкого жеста в духе «черкесской чести», в то же время умел ладить с русским партийным руководством. Выдающимся достижением Шахан-гирея Хакурате, видимо, следует считать стремительное проведение коллективизации, в результате чего Адыгея стала первой во всем Советском Союзе областью сплошной коллективизации сельского хозяйства, удостоилась наград, что, как до сего дня верят многие люди, спасло адыгейцев от геноцида, обрушившегося на кубанское казачество.

Хакурате умер преждевременной, но видимо своей смертью в 1936 г. и с потрясшей современников пышностью был похоронен на главной площади Краснодара, на месте бывшего войскового собора, чтобы уже через несколько дней ночью быть вырытым в связи с раскрытием НКВД «националистического заговора».

«Холодная гражданская война» в ауле велась на фоне умеренных в сравнении с последующим десятилетием репрессий через разного рода кампании — от сбора продналога до ликвидации неграмотности. (С неграмотностью возникали особые сложности — дело в том, что адыгские просветители в разное время предпринимали минимум десятков попыток создать адыгский алфавит на основе арабской графики. До 1927 г. в Адыгее использовался один из таких алфавитов, но беда состояла в том, что преподавать его или читать выходящие в переводе работы Маркса и Ленина в аулах могли лишь мусульманские священнослужители.)

тели-эфенди. С 1927 по 1938 г. вводился латинский алфавит, в конце концов замененный русской графикой. Адыгские языки обладают удивительным разнообразием согласных и сложнейшей фонетикой, плохо передаваемой всеми предлагавшимися алфавитами. Кроме того, существует множество диалектов — Аскер Евтых в одном из своих романов рисует забавную картину принципиального спора между адыгскими партработниками, обсуждающими диалектные варианты перевода союза «и» в очередной речи Сталина. Грамотность на адыгейском, никогда не имевшая реальной сферы функционирования, оставалась формальной. В 1962 г. в Адыгее развернулась кампания по переводу национальных школ на русский язык, осуществлявшаяся не только под лозунгом «слияния наций и народностей» в преддверии коммунизма, но и при активной поддержке населения — национальные школы давали очень низкий уровень общего образования и мало шансов на продолжение учебы в городах. Только в последние два года интеллигенция Майкопа начала высказываться за развитие адыгейского языка как государственного, но это пока скорее лозунг. Переход на родной язык грозит серьезными неприятностями самой русифицированной интеллигенции и управленцам, не говоря уже о реакции преобладающего в Адыгее русского населения.)

Задачей кампаний «за переустройство горского быта» 20-х годов было формирование в аулах групп, противостоящих общине и связывающих свои надежды с советской властью. Большевики пытались уподобить социальную структуру горского аула трехчленному делению русской деревни на кулаков, середняков и бедноту. Во многом искусственное и в центральных областях России, это деление тем более было чуждо тому типу общины, который сложился у казаков и горцев за годы включения в капиталистическую миросистему. Аул в 20-е годы имел консолидированную верхушку, но, насколько можно судить, статусным показателем выступал не только имущественный уровень. Дифференциация по имущественному признаку была относительно слаба, сохранялись докапиталистические общинные представления и ценности, даже укрепившиеся в результате конкретно-исторического пути превращения Адыгеи в периферию мирового капитализма. Даже местные большевистские лидеры говорили чаще не о сопротивлении кулаков, а о «власти стариков и мулл». Поэтому объективно стоявшая перед революционерами задача уничтожения старых форм социальности решалась в значительной степени за счет «борьбы с предрассудками», позднее — «культурно-национального строительства».

Первые годы Ш.-Г. Хакурате приходилось лавировать между своим большевистским руководством, небольшой, но сохранившей влияние группой национальных интеллигентов-просветителей и аульской верхушкой. Он откровенно признавал это в выступлении на I Адыгейской облпартконференции в ноябре 1925 г.: «В 1921–22 гг. мы не могли влиять на выборы в черкесских аулах и ориентировались исключительно на мулл и стариков... Бедняков и середняков не было даже в первом составе областного исполкома» [Цит. по: Кубов 1972: 88].

Первой важнейшей кампанией большевиков в Адыгее была земельная реформа (землеустройство), которая в основном сохраняла общинные принципы землепользования за исключением важной новации — пай начал нарезать и на женщин. Землеустройство «буксовало в 1923–24 гг. из-за бандитизма и коррупции на местах» [Лихницкий 1931: 85], поэтому по ходатайству Адыгблсполкома перед ВЦИК было проведено в аулах принудительно. К проведению землеустройства была привязана кампания по созданию Комитетов крестьянской взаимопомощи (ККОВ), призванных стать противовесом и полюсом притяжения внутриаульской оппозиции местной верхушке. Без доступа к архивам и без широкого опроса стариков можно только догадываться, кто конкретно становился активистами ККОВов, курсов политграмоты, сельских партъячеек и прочих «рычагов партийного влияния».

Более ясна картина с кампаниями за эмансипацию адыгейских женщин — в нее постепенно начали включаться не только жены совпартработников, но и представительницы традиционно маргинальных половозрастных групп — пожилые женщины, брошенные мужьями жены и особенно молодые вдовы, плюс девушки, не желавшие быть выданными замуж про-

тив воли. (С 1921 г. за умыкание невест грозил расстрел.) Участие в женском движении давало материальные выгоды: например, в ходе кампаний «Пальто — горянке!» активисткам было подарено большое количество женской теплой верхней одежды городского покрова. (Адыгейки не имели традиционных аналогов пальто и зимой редко покидали дома, что препятствовало им, по мысли властей, посещать политпросветовские мероприятия. Отсюда — кампания, сочетавшая борьбу за освобождение женщин с материальными стимулами.)

Впрочем, степень забитости и общественной пассивности горянок преувеличивалась пропагандой. В период коллективизации именно адыгейские женщины, как и казачки, оказали наиболее упорное невооруженное сопротивление: в 1930 г. по всей области прокатилась волна женских бунтов. Из аула Тахтамукай на Краснодар двинулась колонна протестующих женщин, с трудом рассеянная милицией и войсками. Этот аул разделил трагическую судьбу 32 казачьих станиц, население которых было «занесено на черные доски» (полная торговая блокада, комендантский режим, штрафные хлебозаготовки) и вскоре выселено в Казахстан и Сибирь. Тахтамукай переименовали в аул Октябрьский.

Создание после 1922 г. советов и партячеек в аулах открыло канал социальной мобильности, противопоставленный общинным механизмам. Через специальные горские отделения совпартшкол Краснодара, Ростова и других северокавказских городов прошли будущие нацкадры, стремительно продвигавшиеся по службе в соответствии с политикой выдвиженчества и «коренизации» управления. (Впрочем, после 1929 г. эту группу ожидало прохождение через настоящую мясорубку.)

Несмотря на заманчивые карьерные перспективы, желающих вступить в партию и попасть на эти курсы первоначально было не так уж много. Когда осенью 1924 г. был объявлен специальный «Ленинский призыв» в партию среди горцев Кавказа, при резком ослаблении уставных требований — принимали даже неграмотных — в Адыгее было принято всего 18 кандидатов «коренной национальности» [Кубов 1974: 19]. Кампании «критики и самокритики», переросшие к концу 20-х годов в массовые партийно-государственные чистки, предвзвешившие коллективизацию, привели к постоянным колебаниям численности новой выдвиженческой элиты, однако общая тенденция количественного роста этой категории была налицо. Преобладала молодежь, причем ко времени коллективизации сформировалась прослойка молодых активистов, чей период социализации уже полностью приходился на годы советской власти и частично протекал вне аулов — учеба, служба. Эти люди и составили основную массу выдвиженцев следующего десятилетия.

Тем не менее, до завершения коллективизации прослойка выдвиженцев группировалась лишь вокруг районных органов власти, оставаясь маргинальной в ауле, где до создания колхозов отсутствовала адекватная их природе хозяйственная и властная структура. Влияние стариков и эфенди к 1930 г. если и перестало быть в ауле всеохватывающим, все же оставалось явно преобладающим. Более того, эта консервативная социальная группа оказалась весьма адаптательна. В конце 20-х годов ислам переживал в Адыгее краткое возрождение и какую-то важную трансформацию — партийные документы полны озабоченности по поводу роста влияния эфенди и повсеместного строительства женских мечетей, что было своеобразным ответом на большевистскую эмансипацию. Последним известным актом горского духовенства стало распространявшееся в 1930 г. воззвание с требованием прекратить коллективизацию и культурную революцию и призывом к Папе Римскому (!) взять под свою опеку мусульман Северного Кавказа [Аутлев 1974: 137]. Вскоре все немногочисленное духовенство Адыгеи наряду с наиболее непримиримыми аульскими старейшинами было выселено из области, где объявляется «полная победа атеистического мировоззрения». До сего дня в 1989 г. в Адыгее нет ни одной мечети и ни одного легального священнослужителя.

Официально Адыгея полностью и окончательно завершила коллективизацию 10 января 1931 г. К этому времени «кулачество» области считалось уж ликвидированным. Только в районе Майкопа в ходе коллективизации было уничтожено 35 вооруженных групп «кулаков»

[Очерки истории Краснодарской организации КПСС... 1976: 348]. Появление настоящих повстанческих отрядов в этот период уже сомнительно, но не вызывает сомнения направленность и масштаб военных и милицейских репрессий.

В 1930 г. на руководящую работу в Адыгее было выдвинуто 175 комсомольцев. В областном аппарате в 1930 г. работало 89 адыгов (9,5 %), в 1931 — уже 193, или 18,3 %, причем все они были «вовлеченными в работу сов. органов выдвиженцами, ... выросшими в борьбе с классовым врагом» [Кубов 1972: 93]. В низовых эшелонах резко увеличившейся, охватившей все общество властной структуры коренных кадров отчаянно не хватало — их временно заменяли (и контролировали) «25-тысячниками» из Краснодара и Ростова, русскими активистами из иногородних хуторов, даже студентами и демобилизованными красноармейцами.

Разрушаемая община и ее доминирующие группы пытались приспособиться к навязываемой колхозной системе, адаптировать ее, превратить в фасад. Чтобы окончательно развалить старые формы общинной социальности потребовалась еще серия катастрофических кампаний — «большевистский сев» 1930 г. и хлебазаготовки этого и последующих годов, особенно страшных 1932 и 1933 гг., когда руководство объединения «Экспортхлеб» выносило специальную благодарность руководству Адыгейской АО за значительное (на 40–50 %) перевыполнение планов поставок, а в аулах пухли дети, сажали за воровство горсти кукурузы, засыпанной за голенище сапога. До 1934 г. продолжались чистки колхозных правлений от проникшего в них «кулацкого элемента», распускались целые низовые партийчейки и даже райкомы, в которых, по выражению передовиц краевой печати, «обильно произрастал правый уклон на тучном кубанском кулацком корне». Беспощадно преследовались мусульманские проявления, попытки апеллировать к адатному праву — наказания ужесточились до предела.

Анализ положения элитных групп Адыгеи в 1930-е гг. объективно сложен из-за принципиальной нестабильности сложившегося в предвоенные годы социального устройства. Машина подготовки выдвиженцев работала в лихорадочном темпе, не успевая перекрывать убыль от репрессий. После смерти Шахан-гирея Хакурате в течение двух лет была репрессирована едва ли не поголовно вся верхушка области — начиная с дореволюционной формации интеллигентов-просветителей, самого торжественно погребенного адыгейского выдвиженца № 1 и его наследника на посту главы областной парторганизации, украинца А.В. Мовчана, до секретарей и инструкторов райкомов, общим числом более 200 человек. Большинство проходило по процессам «правых» и «контрреволюционной буржуазно-националистической организации», многие были осуждены с формулировками «за нежелание участвовать в борьбе с врагом» [Адыгейская правда. 1989. 27 апреля]. Только в 1933–34 гг. областная парторганизация сократилась на 965 человек (16,9 %), в 1935–37 гг. выявлено в ходе искоренения троцкистских заговоров еще 1074 чел. [Кубов 1974: 48, 51].

Численность нацкадров, несмотря на репрессии, неизменно росла. Выдвиженцев готовили начиная с низового уровня курсов учетчиков и нормировщиков при МТС (достаточно почитать некоторые честные романы о колхозной жизни, чтобы оценить власть, которой пользовались эти надсмотрщики) и до партшкол Краснодара, Ростова, КУТВа в Москве. Только Адыгейскую совпартшколу в 1923–36 гг. окончило более 800 человек. И, тем не менее, партийные конференции 30-х годов периодически констатируют «развал административно-хозяйственных структур» области, особенно на уровне колхозов и местных советов. Очевидно, что репрессии или «вредительство» лишь частично могут объяснить причины этого хронического развала. Крайне низкая квалификация и рудиментарное образование, полурусское и полуадыгейское, были абсолютно типичны для довоенных выдвиженцев. С середины 30-х годов проблему начали решать путем отказа от просветительских экспериментов 20-х годов, и адыгейский становится в 1934/35 учебном году лишь одним из школьных предметов и языком начальных классов [Очерки истории Адыгеи... Т. II. 1981: 133]. До 50-х годов на руководящих постах в Адыгее, несмотря на периодическое «рассмотрение вопроса» о ко-

ренизации на «различных уровнях», фигурируют либо русские и украинцы, либо чисто декоративные адыгейцы, типа спившегося Н.Ц. Теучежа, сына получившего накануне войны громкую пропагандистскую славу «народного певца и сказителя» Цуга Теучежа, адыгейского аналога Джамбула и Сулеймана Стальского. Показательно, что после всех довоенных рапортов о подготовке «отрядов нацкадров», в 1951 г. Краснодарский крайком выносит постановление, в котором указывается на полную неудовлетворительность «работы по выращиванию нацкадров» в Адыгее и отмечается, что в автономной области «нет ни одного инженера или техника коренной национальности» [Нагучев 1983: 201].

Модель отношений внутри адыгейского аула в послевоенные годы, которую создал в своем романе «Улица во всю ее длину» Аскер Евтых, очень интересна, в частности, тем, что этот автор показал преемственность выдвиженческой элиты и старой аульской верхушки. Преемственность эта двойка — либо негативная, когда выдвиженцем становится бывший аульский пария, асоциальный тип, личный враг местных авторитетов; либо позитивна — председателем колхоза и деспотическим владыкой аула оказывается сын одного из бывших неформальных аульских старшин. Причем этот выдвиженец своим положением внутри аула оказывается во многом обязан своему престарелому, но сохраняющему силы и жажду власти отцу, местному серому кардиналу, запершемуся в традиционно обставленной мазанке позади огромного нового кирпичного дома своего сына. Вряд ли стоит возлагать большие надежды на то, что такого рода преемственность может быть прослежена по советским архивным документам, однако пока еще живо достаточное число людей, которые в новой политической ситуации готовы вспоминать аульскую жизнь тех страшных лет.

К началу второй мировой войны большевистский антикапиталистический эксперимент достиг своего пика, апогея антисистемности. На уровне Адыгеи это выразилось в следующем: были почти полностью оборваны связи с мировой капиталистической системой, сложившиеся в предреволюционный период (едва ли централизованные изъятия в пользу «Экспортхлеба» стоит рассматривать как связь с миросистемой); были ликвидированы социальные структуры черкесского общества, сформировавшиеся на базе традиционной сельской общины под воздействием включенности в миросистему; что же касается урбанизированных черкесских элит, то они исчезли в результате гражданской войны, а немногочисленные интеллигенты-просветители были вытеснены из управления к концу 20-х годов и репрессированы в 30-х. Какое-то количество потомков аристократических черкесских фамилий покинуло в 20-х годах Адыгею в надежде затеряться где-нибудь в России. Платой за спасение была ассимиляция. Такова, видимо, судьба Виталия Хусейновича Догужиева, нынешнего заместителя Председателя Совета Министров СССР, уроженца Донбасса, носящего адамиевскую тлекотлешескую (т. е. высшую оркскую) фамилию.

Кампании 20-х годов, направленные на искоренение «предрассудков», переформирование социальной иерархии аульских обществ по образцам русской деревни и создание «бедняцко-средняцкого актива» в качестве новой властвующей элиты следует признать мало успешным. Из всех автохтонных автономий Северного Кавказа Адыгейская АО наиболее тесно привязана к русско-украинскому культурно-хозяйственному поселенческому комплексу. Частичная ассимиляция казачьего уклада аульскими общинами облегчила до революции их включение в капиталистическую систему, а в 20-е годы позволила сопротивляться нововведениям советской власти. Потребовалась коллективизация и искусственный голод, чтобы разрушить эту общину. Только тогда Кубань и Адыгея начали приближаться к уровню десоциализации русской деревни.

Тем самым достигалась антисистемная однородность советского общества, служившая единственно адекватной большевистскому режиму средой функционирования. Создание на базе колхозов новой пирамиды власти и возникновение внутри коллективизированного аула иерархии властных статусов при общей десоциализации позволили оформиться новой элитной группой — выдвиженцам.

Первые поколения выдвиженцев олицетворяли собой негативность, антисистемность выдвигавшей и воспитывавшей их структуры. Это была «антиэлита», главным признаком принадлежности к которой была «беспощадная борьба с классовым врагом», сначала преимущественно внутри аула, затем — в аппарате. Административно-хозяйственные качества большинства выдвиженцев этой генерации можно охарактеризовать как «антипрофессионализм» (хотя были исключения на индивидуальном уровне, но такие люди были обычно крайне уязвимы в периоды репрессий). В силу своей принципиальной антисистемности эта элита не могла стабилизироваться. «Горение в борьбе» есть не просто поэтико-пропагандистский штамп, но буквальное описание нормального для этой антиэлиты состояния. Поскольку эта группа аморфна и изначально никак не структурирована (все — винтики, незаменимых нет, готовность работать везде, куда бы «ни послала партия» и т. д.), стабилизация ведет к распылению власти до предела, до «тепловой смерти» — до «застоя», другими словами. Верховная власть есть власть, а не статусная немощная синекура, лишь покуда сквозь тело господствующей элиты пропускаются гальванические разряды большой силы. Так было до 1941 г., но в период войны пришлось выбирать между антисистемной эффективностью (антиэффективностью) и способностью создать сопротивление внешней угрозе. Закономерный выбор второго спасал от смерти немедленной и, к счастью для нас, делал неизбежной «тепловую смерть» коммунистической системы.

После войны множество спасшихся выдвиженцев оказалось отработанным материалом — им оставалось либо попытаться повысить свой образовательный уровень и социальный статус, либо (чаще всего) удовольствоваться вытеснением на малозначимые должности, не требующие никакой квалификации. Завхозовские посты — вот типичный венец их карьеры.

Период немецкой оккупации Адыгеи, длившийся всего несколько месяцев, интересен с точки зрения элитного анализа как прорыв на поверхность латентного конфликта между старыми аульскими элитами и выдвиженцами. Несмотря на обилие и эмигрантской литературы, и произведений советских историков, посвященных Великой Отечественной войне на Северном Кавказе, основным источником информации по этому полузакрытому «заминированному» периоду остается устная традиция.

Вряд ли стоит ожидать многого от открытия архивов — и немецкая, и тем более советская стороны воспринимали конфликт в крайне превращенной идеологизированной форме. Отзвуки глобальной идеологизации и крайнего упрощенчества в странной смеси представлены в популярной ныне работе советского эмигрантского историка А.М. Некрича «Наказанные народы», строящего свою концепцию на чисто мифологической предпосылке об исламском антиимперском газавате горцев и «христианско-имперских» устремлениях Сталина. Достаточно сказать, что в этом случае кандидатами на выселение с Кубани были адыгейцы, но в Средней Азии, тем не менее, оказались кубанские греки.

Черкесский эмигрантский историк Р. Трахо оценивает численность черкесов и представителей других северокавказских народов, воевавших на стороне нацистов, в 28 тыс., в основном солдат и унтер-офицеров, но среди эмигрантов немцами были завербованы несколько офицеров и генералов, в том числе Султан Келеч Гирей [Трахо 1956]. Подробный разбор мотиваций вступления некоторых адыгейцев в национальные формирования войск СС выходит за рамки данной работы — ограничусь лишь констатацией вполне очевидного факта: естественный всплеск патриотизма перед лицом иностранного вторжения, формулируемый и развиваемый официальной пропагандой, был патриотизмом русским, с явной имперской и православной окраской. Для горцев, втянутых в апокалиптический водоворот этой войны, такой патриотизм был чужд до враждебности.

Немецкая оккупация, создавшая в ряде аулов на деле лишь обстановку безвластия вызвала на поверхность последние силы, связанные с аульской общинной верхушкой. В полиции, создававшейся во многом стихийно, преобладали старики и некоторые из раскулачен-

ных, которым удалось накануне войны вернуться из ссылки. Их деятельность была направлена на восстановление общинных институтов, дававших им власть, возвращение «награбленного колхозом» и сведение счетов с местными выдвиженцами, значительное число которых оказалось в партизанских отрядах.

Действовавшие на территории Адыгеи партизанские отряды сочетали в своем формировании принципы неподдельного патриотического самопожертвования, спонтанности и номенклатурной обязательности. Это были преимущественно русские по составу отряды, что отражало преобладание русских в партгосаппарате и демографическом составе автономной области. Командование состояло из местных партработников райкомовского уровня и начальства МТС, для которых партизанская война была очередной кампанией, как коллективизация или чистки. Боевые операции этих партизанских отрядов неизбежно тяготели к «рапортоскопичности» (обычно достигаемой взрывом мостов и поездов), при полном пренебрежении жизнью рядовых партизан. После войны ряд партийно-партизанских вождей разных уровней обрел непоколебимый статус организаторов героической кампании, хотя героизм часто был самоотверженной жертвенной компенсацией вопиющих военных просчетов.

После войны общинная верхушка более никак не проявлялась, хотя воспоминания об утраченном статусе, во многом мифологизированные и утрированные, ныне хранятся многими потомками реальных или воображаемых княжеских предков.

В послевоенный период адыгейская выдвиженческая элита вместе со всей советской системой вступает в полосу стабилизации и роста. В 50-х – начале 60-х годов происходит переформирование выдвиженческой элиты и ее внутреннее структурирование. Пропуском в элиту теперь становится высшее образование и даже наличие ученой степени — пусть совершенно формальной, профанируемой, но резко отличавшей статусные признаки послевоенных выдвиженцев от полуграмотных героев коллективизации, пропущенных через ускоренные курсы совпартшкол. Статусно-географические изменения происходят в системе воспитания партийной элиты — понятие «центр» переносится с провинциальных столиц Северного Кавказа (Краснодара, Ростова) на Москву, что в 70-е годы выльется в академические диспуты по поводу повышения юридического статуса автономных областей и их переподчинения непосредственно Москве. В годы перестройки это уже станет официальной программой адыгейской парторганизации [Хут 1977]. Соответственно, наибольшие карьерные шансы получают кадры, прошедшие через московские ВПШ и АОН.

В 50-е годы начинается разделение выдвиженческой элиты на субгруппы — собственно «партократию», хозяйственников, (среди которых выделяется влиятельная категория председателей колхозов) и высшую интеллигенцию (члены творческих союзов, преподаватели ВУЗов, «организаторы науки», руководство НИИ и т. д.). Все эти категории взаимопересекающиеся и допускающие переход из одной в другую — с партийной работы на хозяйственную или научную, и наоборот. Где-то с середины 60-х сформировавшуюся элиту уже нельзя назвать выдвиженческой — она начинает самовоспроизводиться, лишь подпитываясь извне. Резко замедляется и ограничивается социальная мобильность в советском обществе, что чаще всего и подразумевается под «застоем».

Советскую систему, вышедшую из антисистемного взрыва 1917–18 гг. и обретшую тотальность после коллективизации, к середине 30-х гг., можно рассматривать как негативную по отношению к основным законам и тенденциям капиталистической миротворческой системы. Отсюда происходит множество парадоксов. Структурирование и оформление выдвиженческой элиты объективно отражало процессы постсталинского структурирования советского общества, известного как «хрущевская децентрализация» или «оттепель» в зависимости от конкретного субъективного ракурса).

Главным в этом процессе было постепенное выделение в самостоятельную некоей про-тоэкономической области, которую по-русски можно обозначить «народнохозяйственной».

Постепенно и неявно обособлялись от тоталитарной «квазиидеологии» наука и искусство, восстанавливалась религиозная жизнь.

С точки зрения режима, вышедшего из антисистемного взрыва, эти процессы обретения социального качества были потерей изначальной бескачественной чистоты, представлявшей потенциально огромную опасность для антикапиталистической советской системы. Возобновление массовых репрессий противоречило долгосрочным потребностям выживания в рамках капиталистической миросистемы и интересам стабилизирующейся поствыдвиженческой элиты («номенклатуры»). В силу этого наиболее реальным и приемлемым способом нейтрализации нежелательных последствий процесса утраты системой тотальности было распространение на все обособливающиеся сферы социальной активности номенклатурных «кратократических» по выражению А.И. Фурсова [Фурсов 1989], принципов организации и властвования.

«Бюрократические нравы», то есть кратократические формы социальной организации распространялись повсеместно, от народного хозяйства до спорта и кинематографии, с совершенно естественной легкостью, поскольку нововыделившиеся сферы деятельности оставались в мощном антисистемном поле. Народное хозяйство, наука, спорт и т. п. неизбежно оказывались социоморфны, повторяя в миниатюре партийную властную структуру как центральную в советском обществе.

На примере институционального развития сферы общественных наук в Адыгее в 60–70-х годах хорошо видно, что, по сути, была создана не база для накопления научного знания о местном обществе, а социальная ниша для существования субэлиты, тесно переплетающейся и постоянно обменивающейся своими членами с доминирующей партократией. Научное знание возникает здесь лишь как побочный эффект функционирования машины производства научных степеней. Это своеобразное индивидуальное отклонение, приветствуемое и терпимое лишь во вполне определенных границах — иначе возникает опасность не только подрыва текущей идеологии, но и утверждения неформального авторитета ученого, выступающего в рамках советской науки (почти диссидентским) антистатусом. В Адыгее это обычно происходит вокруг вопросов, связанных с русской экспансией на Кавказе и распространением национальных чувств в адыгейском обществе, т. е. вне науки как таковой.

В процессе кратократической ассимиляции в рамках советского общества новообособляющиеся сферы быстро теряли необходимый для эффективного функционирования уровень рациональности (т. е. приобретали советскую системную антирациональность). Создавались сложные, вернее, запутанные механизмы, призванные поддерживать терпимый баланс между эффективностью и антирациональностью. Последняя выступает под определенным углом зрения эффективностью обеспечения существования элитных групп внутри данных сфер и в обществе в целом. Однако, как показали многие советские экономисты на примерах из области планирования и хозяйствования, приемлемый уровень эффективности и просто функционирование системы делались возможны лишь при постоянном нарушении законности, выступающем важнейшим компенсаторным механизмом.

Теневая «экономика» (ибо это, конечно же, не вполне экономика, а во многом скорее отношения чистейшего властвования по поводу перераспределения материальных благ вне каналов советской легальности) существовала на протяжении всего советского периода. В годы войны она выплеснулась на поверхность и разлилась морем «толкучек», нищенских полу- и нелегальных рынков, спасавших от голодной смерти множество людей, которых не могла прокормить легальная система распределения. Теневая экономика совершенно сознательно терпелась советскими властями сталинской эпохи, более того, использовалась ими, однако «толкучки» оставались преимущественно «блошиными рынками» народа.

В 60-е годы теневая экономика выделяется в важнейшую сферу социальной активности. Выделение теневой экономики происходило как прямое следствие выделения народнохозяйственной квазиэкономической сферы, во многом как ее компенсатор в сфере перерас-

пределения. Теневая экономика приобрела еще одну важнейшую функцию — постепенное истончение «железного занавеса», появление телевидения, западных фильмов и книг, иллюстрированных журналов и товаров, как легального импорта, так и контрабандного происхождения, создало мощный демонстрационный эффект в сфере потребления. Западный стандарт в специфически местном восприятии стал основой формирования представлений о желаемом уровне и стиле жизни элиты, что и компенсировалось теневой экономикой.

Процесс обособления привел также к утрате партократией большинства ранее существовавших легальных возможностей поддержания материального благополучия (впрочем, вопрос о легальности не стоял — местная и центральная власть как монопольный источник легальности могла видоизменять ее при помощи несложных трюков). Нераздельная сталинская партократия превращалась в квазибюрократию, лишенную собственности на средства материального производства, что и должна была компенсировать теневая экономика и коррупция, превращающаяся в это самое время в важнейший «теневой способ» социальной связи и социального действия.

Складывание теневой экономики СССР протекало далеко не гладко, и проследить все перипетии этого процесса будет нелегко. Массовое осознание партократией своей нужды в дельцах теневого бизнеса и налаживание смычки с ними, а также отработка до неформального автоматизма механизмов всеобщей коррупции, видимо, приходится на вторую половину 60-х годов.

Утрата советской системой к 50-м годам тотальной слитности и начало обособления сфер социальной активности, характерных для современного индустриального общества, вызвала в господствующей элите тенденцию к приватизации (и в этом случае вернее было бы говорить о «квазиприватизации» — процесс был принципиально незавершен, ибо его завершение означало бы ликвидацию всей системы). В личную собственность отдельных номенклатурных работников начали превращаться не только их бытовая материальная среда, но условия и факторы их привилегированного властного положения. т. е. речь идет отнюдь не только о дачах, машинах, сервизах, но в первую очередь, о выделении и квазиприватизации властно-собственнических позиций — кабинетов и кресел с соответствующим «участком работы», т. е. сферой распорядительства и апроприации.

В предшествующий период подобными правами в советской системе обладали неоспоримо лишь Сталин и его ближайшее окружение, действовавшее преимущественно во всеобщем масштабе и в ведомственном разрезе (Каганович — транспорт, Ворошилов — армия, Берия — госбезопасность). В послесталинский период происходит быстрое распространение этого положения на все более широкие слои господствующей элиты, своего рода внутри-элитная демократизация — исключительная роскошь вчерашнего дня становится доступна многим.

Одним из следствий элитной приватизации в Адыгейской АО стало выдвижение трибализма в качестве одного из структурообразующих принципов подбора кадров и обеспечения лояльности лидеру-собственнику. Адыгея поистине край многовековых традиций — в начале 60-х годов у власти укрепляются бжедуги (что отчасти отражало реальное демографическое преобладание потомков этого крупнейшего из аристократических племен, составляющих почти половину нынешних адыгейцев). Основными противниками правящей группы выступили, как и во времена Бзюкской битвы, потомки вольных шапсугов. Впрочем, внутриэтнические трения никогда не достигали особого накала из-за панического страха адыгейских партработников «допустить националистические проявления», а значит, совершить тяжкое преступление против безэтничности имперской власти.

Как известно, Сталин и его окружение в своей кремлевской жизни обходились без денег (некоторые проделки Берии в этой области есть лишь очередное проявление его патологической жадности наслаждений, а не реальной необходимости). Приватизирующейся элите хрущевского и брежневского периода деньги уже были совершенно необходимы в качестве

средства внутреннего обращения по каналам коррупции и выхода в легальные и спекулятивные сети товарно-денежного обмена. Соответственно возникла необходимость создания механизмов концентрации плюс групповой и частной апроприации денежных ресурсов. Легче всего в условиях хронического дефицита это делалось в государственной торговле, строительстве, сельском хозяйстве. Так, в Адыгее возникает новый элитный персонаж — помидорщик, нелегальный предприниматель.

В отличие от большинства районов Средней Азии и Азербайджана, где апроприации со стороны местной поствыдвиженческой элиты подвергались по-восточному целые общины (колхозы), и в отличие от большинства районов европейской части СССР, где процессы апроприации развивались на базе индустриальных производительных сил, в Адыгее, как и на Кубани в целом (а также с местными вариациями в Армении, Грузии, Молдове, в сельскохозяйственных областях Украины), апроприация шла на базе квазичастного фермерства, дополняемого мелкой кустарной промышленностью и некоторыми иными отраслями полулегального бизнеса, процветающего в курортных и туристических зонах.

Эндемические диспропорции советского сельского хозяйства создали в центральных областях России обширный неудовлетворенный спрос на плодоовощную продукцию, который в 60-х годах начал структурировать в южных районах СССР разветвленную полу- и нелегальную производительную систему. В рамках этой системы Адыгее досталась функция производства помидоров.

История превращения помидоров в частнотоварную монокультуру Адыгеи известна лишь в общих чертах. Один из самых первых вопросов — каким образом удалось адыгейским сельским работникам избавиться от колхозных трудовых повинностей и приобрести землю — на конкретном уровне столь щекотлив, что на прямые ответы рассчитывать пока (т. е. в 1989 г.) не приходится. В общих чертах можно сказать следующее.

Аульская крестьянская община оказалась весьма прочна. Даже после ее уничтожения в период коллективизации в качестве реликтовых общественных структур, иногда на уровне лишь социальной памяти, продолжали существовать патриархальные семейные отношения, крестьянская трудовая этика, аульская взаимопомощь. Уровень десоциализации в ауле и казачьей станице никогда не опускался так низко, как в русской деревне или в том же иногороднем хуторе, соседствующем с аулом. Неплохим индикатором запаса социальной прочности в данном случае выступает степень распространения алкоголизма.

Предгорья Адыгеи традиционно рассматривались как малопродуктивный довесок к прикубанской степной «житнице», и это сохранило от хищнической сверхэксплуатации значительные земельные угодья. Хозяйство адыгейских колхозов традиционно более диверсифицированное, чем у задавливаемых планами по сдаче зерна и технических культур колхозов степной полосы. Овощеводство, ориентированное на крупные перерабатывающие комбинаты, начало развиваться в Адыгее еще в предвоенные годы.

Помидорный бизнес аульчан вырос из приусадебного огородничества. Традиционно огородниками, снабжавшими рынки Краснодара и других городов, были отнюдь не черкесы, а греки, болгары и молдаване, плюс некоторые иногородние «кулаки». Эти этносоциальные группы были уничтожены в ходе выселений 30–40-х годов, причем в ряде случаев их налаженные хозяйства включались в адыгейские колхозы в качестве полеводческих отделений.

Ранее беднейшие аулы горных отрогов разбогатели благодаря картофелю, который из-за жаркого степного климата и советского планирования по монопольным ценам сбывается в городах и станицах Дона и Кубани. При колхозной системе в Адыгее сложилась странная ситуация, когда меньшее в сравнении со степной зоной Кубани плодородие почв оказалось фактором развития товарного земледелия.

До начала 60-х годов адыгейцы были одной из самых бедных групп населения Краснодарского края. На рынках они торговали в основном дровами и дикими каштанами, иногда рыбой и птицей. Переход на продажу овощей и открытие путей на базары центральной Рос-

сии произвел революцию в ауле. Приток денежной массы начал возрастать едва ли не в геометрической прогрессии. Рубеж 60–70-х годов был отмечен качественным скачком в помидорной эпопее — от приусадебных участков и важной дополнительной статьи доходов происходит поворот к профессионализации и интенсификации. Начинается скрытый захват колхозных полей, спекуляция государственными поставками помидоров, которые вместо давлен консервных комбинатов после пересортировки попадают на базары Москвы и Рязани. В это же время начинается продажа списываемых машин «Скорой помощи» «ГАЗ-21» — знаменитых и вожделенных «Волг с фургоном», способных перевезти за сутки из любого аула в столицу полторы тонны томатов. На огородах появляются трактора и культиваторы, удобрения и пленка для парников.

В условиях Советского Союза все вышперечисленное могло быть сделано только при условии подкупа множества государственно-колхозных властных распорядителей, от председателя до пашущего тракториста, от завскладом, выносящего удобрения и пленку, до шофера, доставляющего нелегальный груз ночью во двор нового хозяина. Получала, конечно же, свою долю и милиция, закрывавшая глаза и начатые было дела.

Так формировался механизм перекачки денежных средств из центральных областей России в Адыгею с дальнейшей поставкой этих средств в каналы коррупции (обеспечение государственного невмешательства, откуп от милиции и всевозможных контролирующих инстанций, приобретение стройматериалов, нелегальная аренда техники, личное потребление — приобретаемые у спекулянтов золото, хрусталь, ковры, мебель, позднее — контрабандная аудио и видеоаппаратура, одежда, престижные мелочи из Новороссийской припортовой толкучки или краснодарской валютной «Березки», и т. д.).

Параллельно надстраивались механизмы передачи средств от нелегальной деятельности в верхние эшелоны. Например, уже оплаченные колхозами (безналично, т. е. почти деньгами) машины и трактора, товар для сельских магазинов, стройматериалы попросту не отправлялись с баз и железнодорожных станций по адресам без подношений владельцам-распорядителям перераспределительных структур. Однако главным каналом перекачки средств наверх стала партийная организация с ее четкой иерархичностью и центральным положением в структуре советской власти.

Помидорная эпопея изменила облик адыгейского этноса так, как не изменили ни русское завоевание, ни коллективизация. Стремительно, буквально на глазах, исчезают элементы традиционной культуры и жизненного уклада. Сохраняются лишь те, которые приобрели новые функции в современной общественной системе. Товарное огородничество, основанное на сверхэксплуатации женщин, привело к усилению традиционного мужского преобладания в семье. Необходимость кооперировать усилия в процессе производства и сбыта возродила клановую взаимопомощь, но крупные суммы денег и сама обстановка нелегального «агроклондайка» регулярно вносят в эту среду конфликты, которые призваны решать старики, чей авторитет также сохраняется в большинстве аулов. Пожалуй, это единственная авторитетная власть, имеющая моральную санкцию. Оформление своего рода даннической арендной системы возродило псевдотрадиционные формы клиентельских взаимоотношений. Уже говорилось о трибализме в партгосаппарате, но даже в аулах отмечаются попытки возродить некоторые аристократические княжеские комплексы в сфере и брачных отношений, и потребления, что выглядит, как правило, довольно нелепо и есть очевидное проявление нуворишеской психологии.

Уровень доходов по категориям населения определить очень трудно. Современные аулы застроены капитальными одно-, двухэтажными домами, почти в каждом дворе есть машина. Считается, что выручка порядка 40 тыс. руб. в сезон — удача, но не экстраординарная в ценах 1980-х. Вероятно, инфляция в период после 1988 г. быстро повысит этот предел. Многим ли (и кому конкретно) доступны такие доходы?

Судя по всему, из аула вытесняется часть его населения. В 70-е годы шла очень быстрая урбанизация адыгейцев, искусственно ускоренная сносом целого массива аулов при строительстве крупного рисоводческого комплекса («Кубанское море»). Население было переселено в город Теучежск, расположенный вблизи от Краснодара. Создание этого нового города сопровождалось обычными советскими градостроительными просчетами, наложившимися на этносоциальные особенности. В результате Теучежск и несколько пригородных аулов приняли на себя по отношению к Краснодару тот комплекс функций, который в Московской области выполняют Люберцы и другие маргинальные урбанистические пригороды столицы. Это порождает специфические проблемы, до сих пор игнорируемые властями.

Из аулов явно бегут молодые девушки, которых не привлекает перспектива быстро состариться на помидорных грядках. Они, как правило, стремятся попасть в торговлю, для чего используются родственно-земляческие связи. В Краснодаре растет число «адыгейских магазинов», среди которых первоначально преобладали такие непрестижные, как хлебные и хозяйственные, но постепенно адыгейские продавщицы и товароведы начали появляться даже в сверхприбыльных комиссионках радиоаппаратуры.

В настоящее время Адыгея находится в глубоком социальном кризисе. Помидорная эпопея за двадцать лет сформировала типы спекулянта-монополиста и коррумпированного чиновника, выступающие сторонами симбиотического элитного альянса. Далеко не все адыгейское население, несмотря на его относительную зажиточность, в состоянии получать сверхдоходы от теневой экономики, а инфляция и развал потребительского рынка в СССР грозят поставить уровень средней зарплаты в госсекторе ниже черты бедности (что уже наблюдается в Средней Азии и Закавказье).

Сложившаяся в период 50–70-х годов общественная система могла лишь балансировать на грани катастрофического кризиса, причем фаза ее устойчивости, видимо, неслучайно совпадает с последним периодом роста мировой капиталистической системы. С началом фазы сжатия мировой экономики в 1973 г. (Кондратьевской б-фазы) советская система вступила в кризис, переходящий в коллапс. Попытки исправить положение при помощи перетряски элит в центре и на местах («андроповский курс», в терминологии праворадикалов в нынешнем руководстве КПСС), которые на Кубани вылились в волну репрессий против коррупционеров разных рангов, от мелких до скандально высокопоставленных, ввергли систему в полухаос. Речь шла, по сути, о нанесении удара по относительно стабилизировавшейся системе социальных ориентиров и связей — вот почему кампания борьбы с коррупцией встретила массовое неодобрение и противодействие, как только она достигла заметного размаха.

Нестабильность в высших эшелонах власти нарушила каналы коррупции и механизмы апроприации денежных ресурсов у помидорщиков. Последние, не будучи уверены в прочности позиций очередного партработника, просто прекратили выплату дани. Меры по развитию аренды и кооперации позволили помидорщикам делать легально то, за что недавно приходилось откупаться от властей. Система пошла буквально враздрай. Контрмеры парткратической элиты в борьбе за сохранение своего положения отличались грубостью и изрядной долей истерии. Закон о нетрудовых доходах и соответствующая кампания 1986/87 гг. принесли лишь краткосрочное и частичное восстановление доперестроечного статус кво. Знаменитые гонения известного консерватора первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И.К. Полозкова на торгово-закупочные кооперативы (мафиозные на 90 %, будем смотреть правде в глаза, хотя и следует особо определить «мафиозность» как ориентацию только на монопольную сверхприбыль при помощи любых средств) не дали долгосрочного результата.

В 1989 г. начала проявляться новая тенденция в общественной, пока предполитической (как и повсюду в СССР), жизни Адыгейской АО — началось организационное оформление национального движения, «Адыге Хасэ» (Адыгское Вече). Уже пройдена стадия первоначального единства, произошло деление на радикалов и умеренных, близится и завершению этап просветительского «пробуждения национального самосознания».

У истоков «Хасэ» стояли майкопские и краснодарские адыгейские интеллигенты, пытавшиеся преодолеть безнадежность своего провинциализма путем превращения Адыгеи в самостоятельную культурно-политическую территорию, т. е. изменить картину мира, а с ней и свой третьеразрядный статус. Ныне самый умеренный лозунг, официально поддерживаемый местным партийным руководством — это выход из Краснодарского края, самый радикальный и утопический — восстановление «горской федерации в границах 1800 года» и возвращение на историческую родину потомков выселившихся в XIX в. махаджиров.

По мере расширения национального движения к нему начали примыкать молодые руководители хозяйственной сферы, некоторые председатели колхозов, готовые финансировать «Хасэ». В перспективе эта организация с типичными чертами «национально-народного» фронта, классическая предполитическая организация, может стать выразителем коллективных («национальных») интересов альянса адыгейских элит в борьбе за выживание в условиях углубляющегося кризиса СССР. Стратегия, намечаемая уже сегодня «Хасэ», элементарна (только такая пока и возможна) — обособление от разливающегося со всех сторон моря нестабильности, достижение общественного консенсуса на этнической основе в целях совместного выживания. Задача нелегкая, учитывая, что адыгейцы живут среди русскоязычного населения и не имеют традиций государственности.

Очень многое будет зависеть в ближайшем будущем от возможности реинтеграции в капиталистическую миросистему, однако эта возможность на момент написания в середине 1990 г. остается гипотетической. Пока же в Адыгее и в близлежащих центрах (Краснодар, курорты черноморского побережья) формируется новая антиэлита — адыгейские гангстеры и рэкетеры, действующие на уже поделенном нелегальном пространстве патриархально сплоченно и очень жестоко.

Краснодар — Нью-Йорк, 1990 г.

Агларов М.А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* — М.: Наука.

Аутлев П.У. 1974. Пламенный ленинец. — *Ученые записки Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории.* — Т. 17. — Майкоп.

Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. 1989. *От ревкомов к советам на Кубани.* — Майкоп.

Гадло А.В. 1988. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия. — *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов.* — Краснодар.

Гольдентул И. 1924. *Земельные отношения на Кубани.* — Краснодар: Буревестник.

Деникин А.И. 1989. *Поход и смерть генерала Корнилова.* — Ростов-на-Дону.

Джимов Б.М. 1972. Великий Октябрь и освобождение трудящихся Адыгеи от социального и национального гнета. — *Ученые записки Адыгейского НИИ.* — Т. 15. — Майкоп.

Джимов Б.М. 1976. Социально-экономическое положение и революционная борьба трудящихся Адыгеи в 1901–1917 гг. — *Сборник статей по истории Адыгеи.* — Майкоп.

Джимов Б.М. 1986. *Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.* — Майкоп.

Доброхотов В.Н. 1916. *Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга.* — Пг.

Евтых А. 1989. *Шуба из тысячи овчин. Улица во всю ее длину.* — М.: Советский писатель.

Емиж Р.М. 1972. Из истории аграрных преобразований в Адыгее, 1921–1925 гг. — *Ученые записки Адыгейского НИИ.* — Т. 16. — Майкоп.

Емиж Р.М. 1977. К вопросу о проведении в жизнь Декрета о земле в адыгейском ауле. — *Сборник статей по истории Адыгеи.* — Майкоп.

- Избранные труды адыгских просветителей... 1980. *Избранные труды адыгских просветителей*. — Нальчик: Эльбрус.
- Кубов Ч.Ч. 1969. Борьба областной партийной организации за осуществление сплошной коллективизации сельского хозяйства в Адыгее (1929–1931 гг.). — *Ученые записки Адыгейского НИИ*. — Т. 9. — Майкоп.
- Кубов Ч.Ч. 1974. Создание и идеологическо-организационное укрепление адыгейской областной партийной организации в период социалистического строительства (1922 – июнь 1941). — *Ученые записки Адыгейского НИИ*. — Т. 17. — Майкоп.
- Ладоха Г. 1924. *Очерки гражданской борьбы на Кубани*. — Краснодар: Буревестник.
- Лихницкий Н.Т. 1931. *Классовая борьба и кулачество на Кубани*. — Ростов-на-Дону: Северный Кавказ.
- Меретуков М.А. 1984. За счастье адыгейки. — Ш.У. Хакурате. *Сборник статей*. — Майкоп.
- Нагучев Д.М. 1969. Деятельность партийной организации Адыгеи по выращиванию национальных кадров (1945–196?). — *Ученые записки Адыгейского НИИ*. — Т. 9. — Майкоп.
- Напсо Ф.А. 1977. Деятельность областной партийной организации по дальнейшему развитию народного образования в Адыгее в условиях развитого социализма (1959–1970 гг.). — *V Сборник статей по истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Очерки истории Адыгеи... Т. 1. 1977. Т. 2. 1981. *Очерки истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Очерки истории Краснодарской краевой организации КПСС... 1976. *Очерки истории Краснодарской краевой организации КПСС*. — Краснодар.
- Панеш Э.Х. *Этносоциальная история адыгов в X–XII веках: Автореф. дис. Канд. ист. наук*.
- Панеш Э.Х. 1988. Бифуркация в процессе социализации (На материалах традиционного воспитания адыгов, XVIII – начала XX в.). — *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов*. — Краснодар.
- Покровский М.В. 1989. *Из истории адыгов в конце XVII – первой половине XIX в.* — Краснодар.
- Раенко-Туранский Я.Н. 1927. *Адыгея до и после Октября*. — Краснодар: Крайнациздат.
- Ратушняк В.Н. 1977. К вопросу о земельных отношениях в горском ауле Кубанской области в период капитализма. — *Сборник статей по истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Ратушняк В.Н. 1989. *Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века*. — Ростов-на-Дону: Издательство ростовского университета.
- Трахо Р. 1956. *Черкесы*. — Мюнхен.
- Фарфоровский С. 1910. Статистическо-географическое описание г. Майкопа и Майкопского отдела. — *Сборник материалов к описанию местностей и племен Кавказа*. — Вып. 41. — Тифлис.
- Фурсов А.И. 1989. Бюрократия как форма организации власти. — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 7.
- Хут А.И. 1977. Адыгейская автономная область — форма самоопределения адыгейского народа. — *Сборник статей по истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Шовгеновы Мос и Гошевной. 1927. *Материалы для биографии*. — Краснодар: Крайнациздат.
- Щербина Ф.А. 1916. *История Армавира и черкесо-гаев*. — Екатеринодар.